

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

НАИЛЬ ВЫБОРНОВ
ПЕРЕХОД

FUTURE CORP.

Наиль Эдуардович Выборнов
Метро 2033. Переход
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23789586

Переход: Издательство АСТ; М.; 2017

ISBN 978-5-17-103245-6

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Пока в Казани речи сладкоголосых джинов сплетаются в узоры, в Набережных Челнах свистят пули и льется кровь. Война здесь так и не закончилась, и будет идти, пока есть, что делить. Неважно

что: еду, патроны, чистый воздух и жизненное пространство в немногочисленных убежищах. И даже если ты отказался от того, чтобы считать себя человеком, тебя найдут и заставят участвовать в своих игрищах. То, что предназначено, в любом случае случится. Ведь от судьбы не убежать, не спрятаться в подземном бункере. Отсидеться не удастся. Остается только выбрать сторону.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	59
Глава 4	88
Глава 5	117
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Наиль Эдуардович Выборнов Переход

© Д.А. Глуховский, 2017

© Н.Э. Выборнов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Не белый барс

В обычное время подземный переход освещался двумя десятками светодиодных ламп, что было достаточно для нынешних времен. На несколько часов в день включали большие ртутные, громко гудящие под низким потолком, но это для растений и детей: нужно же им получить необходимую дозу ультрафиолета. Экономили на всем – диоды и светят ярко, и почти не греются, а значит, имеют максимальный КПД.

Костры жечь запрещалось строго-настрого. Еще бы, тут пространства-то нет: метров пятнадцать в длину и шесть в ширину, узкая бетонная кишка, стенки которой покрыты мелкой керамической плиткой. Ну и, естественно, гермозатворы – современные спутники любой жизни. По той простой причине, что жить на поверхности теперь невозможно.

А вообще, убежища из подземных переходов так себе: расположены неглубоко, людей вмещают мало, даже с учетом многочисленных подсобок. Тем более что по проекту рассчитаны были на эксплуатацию в течение трех-пяти дней. Именно после этого людей должны были начать вывозить из города. Эвакуировать, если по-военному.

– Если бы только в России хоть что-нибудь использовали согласно плану эксплуатации, – прошептал Илья, покачав

головой. – Общество вторичного потребления.

Люди, сумевшие изобрести уйму способов применения обычной упаковки из-под йогурта: от коробочки под скрепки до горшочка под рассаду. Россияне. Или все же советские люди?

Поставив кастрюльку на огонь, мужчина откинулся в своем инвалидном кресле и снова задумался.

– Куда там Западу! У тех, наоборот, все одноразовое было – одежда, обувь, любовь. Даже мир для них оказался одноразовым. Сожгли, выбросили и забыли.

Илья не мог поверить в то, что первый удар нанесла его страна, хотя и не знал точно, кто первым нажал на кнопку. Как и любой другой человек, которому посчастливилось выжить. Правда, «посчастливилось» означало оказаться обреченным на прозябание в подземном переходе среди таких же «счастливицков».

Грустно усмехнувшись, мужчина потянулся к пачке макарон, добытых его старым товарищем с одного из пищевых складов. Сильные руки легко порвали упаковку. Спагетти с хрустом разламывались, летели в кастрюлю.

– Илья? – раздался детский голос.

– Да, да. – Повернув голову на голос, мужчина покивал своему воспитаннику. – Минут через пятнадцать зови остальных, ужинать будем.

Ужин сегодня почему-то пришелся на ночь. Не дело это, совсем не дело. Старый инвалид философствует, бедные де-

ти голодают, а ведь им спать пора давно. Им и так нелегко учиться всему, чему он пытается их научить.

Макароны постепенно разваривались. Странно, что они вообще сохранились, несмотря на крыс, жуков и прочих тварей. Сколько там лет прошло с даты их изготовления?

Для интереса отыскав на разорванной обертке дату производства, мужчина в очередной раз горько усмехнулся – действительно, общество вторичного потребления. Почти двадцать лет, это не шутка.

Правда, эти же самые двадцать лет никто ничего не производил. По крайней мере, в промышленных масштабах точно. Поэтому пользовались тем, что осталось с прошлых времен.

А кем бы он стал, если бы получил увечье в довоенное время?

Скорее всего, очередным обломком, прозябающим на социальной пенсии. Еще вроде как можно было такую работу найти, чтобы из дома не выходить. Но тут Илья точно не знал – знакомых таких у старого инвалида не было.

Хотя какой же он старый? Ему же еще и сорока пяти нет! Молодой совсем мужчина, особенно для прежних времен. Как говорится, в самом расцвете сил.

Только вот что бы ты делал, если ты – молодой мужик, у которого все еще впереди, взял и потерял ноги? Когда все перспективы резко обламываются и остается только пустота.

Сам Илья считал, что не сломался только потому, что после Войны перспектив у него не было никаких. И еще, воз-

можно, его ценили из-за опыта. Все-таки высшее техническое образование, два года мародерства на поверхности и...

Увечье, ампутация конечностей, затворничество, полное погружение в работу с техникой. Нашел к чему приложить свои силы.

Хотя, черт подери, разве этот газ, на котором теперь готовят еду и который сжигают ради получения электричества, – не его заслуга? Не он разве собрал биореактор, работающий по принципу анаэробного сбраживания пищевых отходов?

А потом предложили воспитывать детей. Опыт работы с подрастающим поколением у него был. И хотя старшеклассники, у которых он вел научное общество, сильно отличались от этих парнишек, старшему из которых только-только исполнилось двенадцать, наверное, он подходил для этого лучше всех.

Хоть премию Макаренко давай.

Да. Вот и макароны сварились.

Убрав с плиты кастрюлю, инвалид положил на конфорку две открытые банки тушенки. По торговой палатке, которую выделили ему в качестве жилья, пополз вкусный запах жареного мяса: тушенка пригорала, но ничего страшного.

Ее нужно хорошенько выварить: всякая фигня дохнет от жара. И хорошо, что дохнет. Заболеть сейчас, когда не осталось ни поликлиник, ни врачей... Да лучше уж сразу пулю в лоб.

– Коля, пойдй слей воду с макарон, – показал Илья на го-

рячую кастрюлю одному из своих воспитанников и, задумавшись, спросил чуть строже: – Руки мыли?

– Мыли, – в один голос ответили ребята.

Коля подошел к столу, снял с крючка, прибитого к стене, тряпку и, захватив с ее помощью кастрюлю, вышел из комнаты.

– За стол тогда давайте, – произнес инвалид, проводив своего ученика взглядом.

Пахла поджаренная тушенка так, что впору было захлебнуться слюной. Правда, лука бы еще и перца черного...

А ведь раньше есть тушенку не принято было – считалась едой туристов и тех, кто себе свежатину позволить не может. По крайней мере, сам Илья ее не ел.

Николай вернулся и принялся накладывать макароны. Склеились немного, но это ничего, кушать можно. Главное, что в них крахмал есть. Углеводы.

Инвалид подкатил в своем кресле к столу и выдал каждому по щедрой порции тушенки. Деликатес, ребят побаловать.

Да и повод есть. Первое сентября. Хотя, как и большая часть праздников, первое сентября утратило свое значение – учеба теперь шла круглый год, а от результатов ее зависело не поступление в вуз, а выживание.

Коля сел по правую руку от учителя. Двенадцать лет пацану, самый старший из всех. Хотя, один хрен, его жизненный опыт... После Войны родились же. Значит, кроме перехода

ничего и не видели.

Алюминиевые ложки заскоблили по тарелкам. Сам Илья положил себе в рот большой кусок тушеного мяса, разжевал. Вкусно. Лучше, чем грибы, они приелись уже.

Правда, не так вкусно, как свежати́на. Не крольчати́на, которую выращивали в их подземном переходе, и уж тем более не свинина откуда-нибудь с «Театральной» или других мест. Но стоило свежее мясо соответственно, инвалид не мог позволить себе такого.

Коля, с аппетитом жуя, посмотрел на остальных. Сидящий напротив Леха едва заметно кивнул, Марк, мальчонка восьми лет, нетерпеливо задрогал ногами.

– Илья. – Николай привлек к себе внимание учителя, отложил ложку и как ни в чем не бывало проговорил: – Расскажите о том, что до войны было.

Он был поразительно взрослым для своих лет: обращался вежливо, но не стеснялся, если чего-то хотел. Хотя, наверное, взрослым он выглядел на фоне двенадцатилетних детей того, довоенного мира. Акселерация.

Раньше все говорили про акселерацию иного типа, будто бы по сравнению с прошлым увеличилась масса тела и рост детей относительно их возраста. Из-за хорошего питания и прочих факторов. Оно, конечно, вполне возможно, только вот во время Древней Руси, например, неженатая девушка в шестнадцать лет – старая дева. Да и в Европе средневековой...

Сколько матери шекспировской Джульетты было? Тридцати не было точно. А она себя считала старухой, у которой все позади. Попробовал бы ты до Войны назвать кого-нибудь в этом возрасте старухой... Скорее всего, назвали бы хамом, а то и в лоб дали бы.

А разве позволили бы кому-нибудь в двенадцать лет жениться? Это же нонсенс. Отправили бы на телепередачу, где ведущий с шокированным видом рассказывал бы об этом.

Видимо, вернулось то время. Средние века. И Николай женится скоро, сам детей заведет. Отдадут их Илье на воспитание? Ведь все, кто родились до Войны, для нового поколения – старики. И разница поколений видна как никогда, хотя дело даже не в мутациях.

Второе Средневековье.

– Что конкретно рассказать? – внезапно охрипшим голосом спросил инвалид.

– Да обо всем. – Ребенок кивнул, показывая, что понял вопрос. – И о себе, и о мире вообще.

– Мир... – начал было Илья, но остановился. Откашлялся, потер лицо рукой, терпко пахнувшей машинным маслом, и продолжил: – Мир, мальчик мой, был переполнен пресыщенными идиотами. Людьми, абсолютно не ценившими радости жизни, самые главные – вроде семьи, друзей... Да и простых радостей, вроде синего неба над головой, тоже не ценили.

Посмотрев на лица ребят, инвалид подумал, что говорит

совсем не о том, что слова его звучат шаблонно и фальшиво.

– Ладно, чего вам бурчание старого дурака слушать. – Илья замолчал и продолжил наворачивать макароны.

Ни один из ребят не взялся за ложку. Все внимательно смотрели на учителя. Грустно вздохнув, тот понял, что от него сегодня не отстанут, пока не получат ответа. И если раньше можно было отговориться какой-нибудь сказочкой, то сейчас Илья почувствовал – так не выйдет.

– Что мне больше всего нравилось в том мире, так это его необъятность. Ты выходишь на улицу с утра и понимаешь, что можешь идти куда душа пожелает. И дело даже не совсем в этом. Миллиарды людей, и у каждого свои проблемы и задачи. Множество мест на этом, в общем-то, небольшом шарике, которых ты еще не видел. Море неизвестных запахов, вкусов... Да каких угодно ощущений!

Ребята смотрели на него широко раскрытыми глазами. Нужно было продолжать говорить, хотя лектор из инвалида, даже в его прошлой жизни, был так себе. Однако других теперь не было.

– Что вы знаете о подземном переходе? Конкретно об этом. На «Домостроителей».

Марк хотел было ответить, но Илья жестом дал знак молчать и продолжил:

– Вы знаете о нем абсолютно все. Как будто никто из вас не лазал в технические коридоры. Не прячь взгляд, Николай, я тебя там видел, и я совершенно не против этого. Это все-

таки жажда познания. А вам попросту больше нечего познавать, потому что весь ваш мир – этот самый подземный переход.

В горле пересохло. Инвалид потянулся к пластиковой бутылке, перелил в кружку. Глотнул холодной воды...

– Вы знаете, где находится склад, знаете, что начвор частенько выпивает у себя. Знаете, почему Нельсон не появляется в лазарете. Вы знаете о своем мире все. Наверное, древние философы только мечтали об этом. Суть самого сущего как на ладони. Только вот мир этот – банка с пауками.

Выпив еще воды, инвалид задумался. Тушенка остыла, а когда она остывает, то становится невкусной. Наверное, в этом тоже есть какой-либо смысл, только незачем думать над этим. «Ам!» – вот и всё.

Взявшись за ложку, инвалид стал доедать свою порцию. Вот теперь-то точно каждый ест все до конца.

Некоторое время стояло молчание, и было слышно только, как ложки скребут по тарелкам. Николай закончил есть первым, отодвинул тарелку и налил себе воды. Выпил, задумался, после чего решительно посмотрел на учителя.

– Учитель!

Ложка, брошенная Ильей в тарелку, громко зазвенела. Учитель на секунду встретился с учеником глазами, и не в силах сопротивляться отвел взгляд – такой решительности он не видел ни у кого. Ну, разве что у...

– Расскажите нам о Войне.

– Ты уверен, что хочешь услышать об этом? – полушепотом спросил инвалид.

Молчание. Ребята замерли, обратившись в слух.

– Уверен. – Голос Коли звучал твердо.

– Конец Света произошел совсем не так, как описывалось в священных книгах. Наверное, эта Война вообще самый большой акт социальной несправедливости. Или наоборот, если рассматривать ее как уравниловку. Выжили не самые лучшие, не самые праведные, умные, сильные. Выжили те, кому просто повезло. И кому хватило сил пережить, что все надежды и мечты, все перспективы разрушились за несколько секунд...

* * *

Народ спешил со всех концов района. Люди бежали не оглядываясь, обезумев от страха. Казалось, они были готовы на что угодно, лишь бы выжить этой ночью.

То, что так давно предрекали лжепророки и писатели-фантасты, произошло. Порядки, казавшиеся железными, проржавели и рухнули, и почему-то каждому стало ясно, что этот день будет последним. У кого-то еще оставались надежды, что сирена воеет из-за учебной тревоги, однако командирский голос, звучавший из громкоговорителя, рассеивал их без остатка.

– Тревога не учебная. Повторяю. Тревога не учебная.

Проходите к подземным переходам, укрывайтесь. У вас пятнадцать минут. Повторяю: до закрытия гермоворот осталось пятнадцать минут.

Машины останавливались, водители бросали их и бежали к единственному месту спасения – подземному переходу. Каждый торопился туда как мог, но чем ближе было к укрытиям, тем заметнее уличный хаос превращался во вполне организованный порядок.

Вооруженные автоматами военные стояли на входах. Это были совсем мальчишки, солдаты-срочники. Такими в свое время затыкали дыры во всех конфликтах, разгоревшихся на развалинах некогда великой империи, но ведь в последние годы этот бардак прекратился. Так почему они здесь?

Тем не менее этого было вполне достаточно. Восемь человек с оружием, и все вспомнили о порядке.

Молодой мужчина покачал головой, посмотрев на эту очередь. Пятнадцать минут. Ему войти не успеть никак. Слишком уж он поздно пришел.

Не успеет. Никак не успеет. Да и хочется ли?

Что он, собственно говоря, успел? Девушки у него как не было, так и нет, работает он продавцом в магазине электроники, а образование самое что ни на есть «нужное» – искусствовед.

Развернувшись, он пошел в сторону, противоположную движению толпы, продираясь сквозь нее, получая тычки локтями и отвечая на них той же монетой.

Свернул в переулок и прислонился к стене, наслаждаясь ощущением свободы после выхода из толпы. Может быть, он успеет увидеть, как распускается термоядерный цветок до того, как вспышка выжжет ему глаза? Нашарил в кармане куртки пачку, вытащил сигарету, полез за зажигалкой. Закурив.

Вредная привычка, но умереть от рака легких он все равно не успеет, так что – какая разница.

Только вот переулок этот выбрал не только он. В пяти шагах, возле стены, можно было разглядеть странное движение. Может быть, любовники, решившие напоследок слиться в экстазе? Присмотревшись, мужчина понял, что ошибся и взаимным такой секс быть не может.

Девушка с разбитой головой лежала на земле, а на ней громоздился некто с заросшим щетиной лицом, совершая ритмичные движения над бессознательным телом. Видимо, подловил ее, бегущей к убежищу.

Кровь бросилась в голову, глаза застлала пелена, и мужчина почувствовал, как в душе у него просыпается ярость.

Мир и так погибал, так почему бы не нарушить незыблемые правила? Особенно если каждый сам за себя и некому защищать слабых.

А почему бы и нет?

Пять метров ему удалось преодолеть секунды за три, после чего ботинок врезался в голову насильнику. Удар получился хороший, футбольный, позвонки хрустнули, тело со-

дрогнулось в последний раз и обмякло.

Грохот разорвал небо. Вспышка выжгла сетчатку глаз, и мужчина умер молча, до боли стиснув зубы и практически откусив себе язык.

* * *

Это был ее день рождения.

Ее двадцать второй день рождения.

Она встретила его в постели с едва знакомым парнем – так уж вышло. Он подошел к ней в клубе, купил пару коктейлей, и вопрос был только в том, предложит ли он отдаться ему в туалете или отвезет куда-нибудь.

Хотя был еще один вариант. Вежливо улыбнуться и упорхнуть. Только вот вчера ей хотелось не этого: в низу живота тянуло и постоянно бросало то в холод, то в жар. Понятно, чего ей хотелось, и чем они занимались всю ночь, до самого утра, после чего заснули в обнимку.

А сейчас новый любовник, проявивший себя очень нежным и внимательным, судорожно пытался застегнуть пуговицы на измятой рубашке. То ли из-за непонятливого взгляда девушки, то ли по причине излишней своей торопливости он путался все сильнее и сильнее.

За окном выла сирена. Было неясно, какой же машине она принадлежит и почему такая громкая.

– У тебя что, жена сейчас придет? – поинтересовалась де-

вушка.

Она вообще не была против секса с женатым мужчиной. Только почему он не объяснил все как есть?

– Молчи, шлюха! – дрожащим голосом, срывающимся на плач, бросил он. Причина такой резкой перемены в нем была по-прежнему не ясна.

Почему же сразу «шлюха», она ведь не за деньги отдалась? Просто продвинутая девушка с современным взглядом на секс.

– Да что случилось? – обиженно спросила она, надув искусанные вчерашней ночью губы.

Нестерпимо яркий свет затопил комнату, через секунду раздался громкий звук, будто кто-то разорвал огромную мокрую простыню, и на горизонте за окном расцвел бутон ядерного взрыва.

* * *

– Никто из спасшихся в тот день не был праведником, понимаете? – продолжал объяснять Илья. – Нельсон вот, к примеру, спасся, потому что хотел переспать с какой-то девушкой на дне рождения у брата, напоив ее, и пошел за шампанским. И это только один из нескольких примеров.

– А как же спаслись вы? – спросил Николай, все так же смотря ему прямо в глаза.

Он медленно топал вниз по проспекту Сююмбике. В руке у него была бутылка холодного пива. Ноги отсырели, носки наверняка провоняли так, что и ботинки теперь не отмыть от запаха.

Представьте, что вы возвращаетесь домой после симпозиума, усталый, немного выпивший. Но только чуть, пару бокалов шампанского, не больше.

Преподавательская деятельность – ваша отрада. Ведете научное общество, работающее над проектом очистки сточных вод, в основном в нем состоят школьники, и вам это нравится. Вы считаете, что нужно прививать им любовь к науке.

У вас хорошая девушка – настолько, что вы считаете себя недостойным ее. Умница, красавица, спортсменка, а вы – обычный ботаник. Нет, ботаник не в прямом смысле, по образованию-то вы инженер.

И вот вы поднимаетесь в свою бетонную коробку на пятом этаже, открываете дверь. Раздеваетесь и тихо, чтобы не разбудить девушку, проходите в спальню, предвкушая, как ляжете в постель и обнимите любовь своей жизни, и будете наслаждаться ее теплом и любоваться идеальными формами.

И слышите из спальни страстные стоны.

Илья просто ушел: эти двое так увлеклись, что даже не заметили его присутствия. Инженер просидел всю ночь и боль-

шую часть утра на скамейке в соседнем дворе, несколько раз сбрасывая звонки от девушки. В душе его боролись два желания: все-таки взять трубку и выговорить ей все, что думает, и выбросить телефон прочь, уйти куда подальше и больше никогда не возвращаться назад.

В итоге, взвесив все, он поддался второму желанию. В кармане у него оставалась последняя сотня, которую он отдал в ларьке за две бутылки пива. Одна из них, быстро опустошенная, была отправлена в урну. Вторую в скором времени постигнет та же участь.

Могут забрать в милицию. Припать распитие в общественном месте, штраф выписать... Плевать. Ему было плевать на все.

Пьяное сознание не улавливало постороннего монотонного звука, но когда Илью толкнули, это он почувствовал.

Черноволосый парень толкал Илью к подземному переходу, крича что-то. Он что, с ума сошел? Может, бутылкой его огреть? Илья попытался отпихнуть его в сторону, но не рассчитал равновесия и упал. Проехав по лестнице на пятой точке, он оказался за гермоворотами, приложившись о которые головой, потерял сознание.

Тот самый черноволосый парень оттащил его из-под ног людей, которых было достаточно много. Но далеко не весь район – кто просто не услышал, кто подумал, что учебная тревога, а кто и вовсе решил не прятаться, предпочитая быструю смерть.

* * *

– Вот так вот, – покачал он головой. – Очнулся, голова болела дико, а оказалось, что Война была. Ждали эвакуацию, все по советскому плану же. А там как было – на седьмой день все дружно эвакуируются и дальше вместе работают на обломках разрушенного мира, восстанавливают хозяйство... Ну кто мог подумать, что все пойдет не по плану?..

* * *

В течение трех дней удары снаружи сыпались на гермодверь без остановки, сводя укрывшихся в убежище с ума. Казалось бы, оставшимся снаружи пора было понять, что стучат они совершенно напрасно, что им не откроют, но они продолжали долбить в дверь.

Некоторые из тех, что успели спуститься в переход до закрытия, кричали, требуя от военных открыть двери. Может быть, они думали о родственниках и друзьях, которые могли оказаться снаружи. А возможно, они просто мечтали о том, чтобы этот мерный стук по металлу дверей наконец прекратился.

Таких не трогали – обычно они успокаивались в течение часа. Только одного из них, молодого совсем парня в де-

ловом костюме и с ухоженной бородой, мужик-полковник, который принял командование над солдатами у молодого лейтенанта, лично отделал прикладом. И то с молчаливого одобрения остальных укrywшихся – его крики нервировали больше, чем стук.

Солдатам тоже было нелегко. На третий день застрелилось двое. С раннего утра один, а потом вечером, перед объявлением отбоя, второй. Илья видел, как тела, запакованные в брезентовые мешки, волокли куда-то в подсобное помещение. Похоронить их не было возможности.

Запасов еды в переходе было на неделю. С учетом жесткой экономии и того, что вошло в переход не так много народу, их можно было растянуть на три. Зато питьевой воды было вдоволь – скважина продолжала работать. Правда, нужно было придумывать, как переделать насос на ручную тягу, иначе скоро закончится топливо для генераторов.

Но до этого дело дойти не должно. Скоро их эвакуируют. Пока что они еще верили, что их спасут, что страна не рухнула окончательно.

На пятый день вера в это стала слабеть. До людей наконец стало доходить, что это все, что к прежней жизни возврата нет. Двое крепких мужиков, под сорок лет, попытались обворовать склад с продуктами. Непонятно зачем, все равно им не удалось бы ничего спрятать. Этих заперли, буквально вырвав из рук разгневанной толпы. Причем было непонятно, запирают их, чтобы наказать, или чтобы спасти.

Но на пятый день прекратился и стук, привнесший свою долю в облегчение морального состояния укрывшихся.

А на седьмой день, когда всем стало ясно, что эвакуации уже не будет, отряд из солдат-срочников отправили на поверхность. Толпа зевак, собравшаяся за ограждением, устроенным перед гермоворотами, смотрела им вслед, и в тот момент, когда гермозатвор с лязгом открылся, им стало ясно, почему прекратился стук.

На лестнице вповалку лежали трупы людей. Можно было подумать, что они спят, но запах разлагающейся мертвечины, занесенный случайным порывом ветра в бункер, развеял эти мысли. Он напоминал жителям убежища об увиденном зрелище еще несколько часов.

Именно жителям. Тогда-то большинству стало ясно, что из временного укрытия подземный переход стал их новым домом.

В тот день застрелился еще один солдат, после чего им было приказано сдать оружие. Правда, от волны самоубийств это не уберегло – на следующее утро нашли трех женщин со вскрытыми венами и повесившегося на дверной ручке мужчину.

Полковник приказал выбросить трупы на поверхность. Так потом поступали со всеми, кто не нашел в себе сил жить дальше.

* * *

– А кто победил в Войне? – спросил Марк.

– Никто. В таких войнах не выигрывают.

Снова установилось молчание. Инвалид ждал следующего вопроса. Мальчишки, похоже, решали, стоит ли его задавать. Свои порции все давным-давно доели, ничего не отвлекало их от разговора.

– А что сейчас на поверхности? – наконец решившись, спросил Николай.

Илья усмехнулся. Мальчишка явно решил выпытать из него абсолютно все.

– Откуда мне знать? – делано удивился он. – Я там больше пятнадцати лет не был. Вон, у Нельсона спроси.

В переходе пронзительно зазвенел колокольчик. Через несколько секунд звук раздавался уже по всему переходу: такая тут была система оповещения.

– Караван! Караван с «Кукол» пришел! – радостно прокричал кто-то.

* * *

Мужчина открыл глаза.

Это был именно мужчина, рубеж в тридцать восемь лет

был перейден несколько месяцев назад. Пожалуй, в новом мире это был солидный возраст.

Пора на покой, папаша? Нет, не пора. Еще рановато думать об этом.

– Караван! Караван с «Кукол»! – кто-то продолжал вопить.

– Знал бы ты, каких сил мне стоило заснуть, ты бы сейчас так не орал... – проворчал мужчина, пытаясь прийти в себя после короткого сна.

Получалось не очень. Он потер мозолистой ладонью трехдневную щетину, почесал давно не мытую голову и перевернулся на спину. Посмотрел на флакон с болеутоляющими таблетками. Инструкция утверждала, что налегать на них не стоит. Но долбаная мигрень, последний год мучавшая все чаще и сильнее, раз за разом убеждала в обратном.

А неожиданное ночное пробуждение было достаточной причиной, чтобы боль в очередной раз вцепилась когтями в виски и затылок Нельсона.

Ну, в принципе, понятно, почему караваны приходят ночью. Днем на поверхность соваться глупо по одной причине – сожрут практически наверняка. А вот фон там и по ночам высокий, хотя, казалось бы, почему? Сбросили на сам город ровно одну бомбу, и ту на завод. Вот там действительно огромная воронка, море бетонной крошки и обугленные металлические конструкции, торчащие местами. Нельсон видел: при желании и через хороший бинокль все можно рас-

смотреть.

Ну и еще можно считать ту, что ухнула в Каму, близ Нижнекамской ГЭС. Этого Нель, разумеется, видеть не мог.

Об этом рассказывали жители одного из немногих жилых мест на ГЭС – перехода на «ДК Энергетик». Черт знает, как они сами об этом узнали.

Но говорят, что плотины ГЭС больше нет. Смыло. Как, скорее всего, и Елабугу и, возможно, Нижнекамск. Набережные Челны фронт прошедшей волны не задел, а вот то, что после взрыва там столб воды и грунта сделал, это вопрос другой... Правда, после двадцати лет упадка тех разрушений и не заметно сейчас, наверное, все слилось в общую разруху.

В любом случае, связи с теми городами нет. А даже если и есть, кто о ней расскажет? Хранить будут, как самые главные тайны хранят.

Все сами за себя. Города-государства площадью в сто-двести квадратных метров и населением от семи до двадцати десятков человек. Как селетки в бочке, на самом деле.

И, несмотря на это, грызутся, плетут интриги. Даже империи сформировать успели: Конфедерация, Халифат, Коммунрай, бандиты еще. Поделились по принципу «кто сумел отобрать власть у военных», у которых хоть и было оружие, но не было приказов. А кто такой военный без приказа? Такой же гражданский.

Конфедерация – это там, где военные удержали власть. Ну, или, по крайней мере, не потеряли ее полностью. Держа-

ли они под собой пять переходов: «Домостроителей», «Театр кукол», «Молодежную», «Райисполком» и «Тридцатый».

Халифат и Коммунрай – другие «сверхдержавы». Халифат подмял три перехода на Московском проспекте. Коммунрай – два на Мира. Правда, внешняя политика у этих двух государств значительно отличалась: если Коммунрай сохранял строгий нейтралитет со всеми другими переходами, то Халифат наоборот – умудрялся воевать со всеми, но при этом расти и процветать.

Короче, все как в довоенные времена. Но масштаб поменялся капитально, это да. Интересно было бы подсчитать, во сколько раз...

Хотя черт с ним.

Нельсон широко и протяжно зевнул. Появился соблазн повернуться на другой бок и попытаться все-таки уснуть. Он закрыл глаза, и как обычно перед моментом перехода яви в сон появилось ощущение, будто схватил его и ожесточенно трясет.

Он тут же открыл глаза и мотнул головой, сгоняя с себя сон. Не, к черту, незачем лениться на самом деле. Работать надо. Кто работает, тот есть. Кто не работает, тоже есть, только мало и невкусно.

Ну, эта истина действует, по крайней мере, сейчас, в отличие от довоенного времени.

Снова широко зевнув, он все же сел на старый матрас, лежащий прямо на полу. Поправил свитер, вздувшийся на жи-

воте пузырем: в переходе сыро, холодно, чтобы не простудиться, приходилось тепло одеваться.

Все равно, болели все. Ладно, хоть не тем, что можно было подхватить наверху. Хотя таким редко болеют. Потому что очень быстро сгорают, как свечи: неделя – и нет человека. Ушел.

Мародер снова готов был окунуться в неприятные воспоминания.

– Нель? – спросил Илья из-за двери, привлекая внимание мужчины. – Ты проснулся?

Ну, естественно, он же сам себе дверей открыть не может.

Нельсон дрожащими руками взял со стола флакон, рванул вверх крышку и отправил две таблетки в рот. Проглотил, вернул упаковку на место, после чего встал с матраса, открыл дверь и тут же отошел.

Его друг-инвалид закатился внутрь и, не утруждая себя приветствиями, произнес:

– В общем, что я хотел сказать. Поучаствуешь в педагогическом процессе?

Лицо Нельсона скривилось в недовольной мине. Не то чтобы он не любил детей... Он вообще предпочитал не общаться с людьми, а разговорчивый инвалид полностью удовлетворял потребность мародера в человеческом обществе.

– И что там нужно? Спектакль поставить? Или сценку? – хриплым со сна голосом спросил он.

– Не. Про поверхность им рассказать. Про то, что жить

там невозможно, и про остальное.

– Дети, бомбы – это плохо, если видите где-то большую красную кнопку, то ни за что не нажимайте на нее?

– Приблизительно в том же духе. Расспрашивали меня сегодня про Войну... Слушай, а я вот задумался. На самом деле кто победил-то?

– С детьми много общался и сам в детство впал, Илья. Сам же прекрасно знаешь, что в таких войнах победителей не ищут. Или ты ждешь, что прилетят вертолеты с американцами под звуки их гимна, постреляют всех мутантов и начнут нефть добывать?

– Ну, вот планы на эвакуацию и остальное?

– В том-то и дело, что если бы это было просто ядерное оружие, то страна бы справилась. Не смогло бы оно уничтожить человечество. Пусть разрушены мегаполисы, но деревни приняла бы выживших. – Нельсон вздохнул, он совсем не любил много говорить. – Да, повышение количества раковых больных, мертворожденных детей. Да, ухудшение качества жизни в целом. Можно сказать: откат в семнадцатый век, заводов-то нет больше, воронки вместо них. Но не критично.

А вот то, что использовали в этой Войне, оказалось страшнее. Вирус. Или много вирусов.

Вирус, вообще, это такая штука, которая очень быстро мутирует. Взять тот же грипп: каждая эпидемия вызывалась новым штаммом. За один только двадцатый век было три эпидемии и пять пандемий. И это только грипп типа А.

Помножить скорость мутации на такой мощный мутаген, как радиация, и что мы получаем?

А получаем мы то, что на поверхности теперь находиться нельзя, причем вообще никак. Не только из-за высокого фона.

Вирус встраивается в геном пораженного организма и размножается с репликацией ДНК клетки. То есть они самым прямым способом влияют на геном.

Интересно, а ученые сами-то возможность этого предусматривали? Что в итоге из-за их открытий на поверхности такие зверюги появятся – хоть стой, хоть падай?

Это была всего лишь гипотеза, принадлежавшая мароде-ру. Однако она ему казалась ничем не хуже теорий о том, что мутанты наверху – это специально выращенные суперсолдаты или животные с другой планеты. А то и вообще «перезапуск» эволюции, начиная с менее продвинутых существ, чем человек. Эдакий «бэк-ап», как сказали бы программисты.

– Человек – это такая зараза... – произнес Илья. – Сам подумай, сколько лет уже тут, а живем.

– Человек – это не зараза. Да и не живем. Вот, сам представь, из всего нашего города выжило тысяч пять, это в лучшем случае. Пропорция понятна?

– Семьдесят миллионов приблизительно выходит. – Быстро прикинул в уме инвалид и зачем-то уточнил: – Из семи миллиардов.

– Сам-то представляешь, что эти числа значат? Выжил каждый сотый. То есть Москва – восемьдесят тысяч. Питер – сорок. Не помню точных цифр, но насколько я слышал, по подсчетам, за тысячу лет до нашей эры еще население Земли было больше. И откатились именно туда. В ту эпоху.

– Не так! – Илья щелкнул пальцами, будто поймав какую-то мысль. – Мы попали в Безвремяе. Вот, прилетят инопланетяне через сто лет, вытащат нас из переходов и скажут, что жили тут сначала какие-то гиганты, строившие высокие здания. А потом случилась катастрофа, великаны вымерли, и остались только такие вот дикари.

– Или измельчали гиганты. Только не просидим мы тут сотни лет. Даже еще двадцати не просидим. Либо раньше глотки друг другу перегрызем, либо накроются переходы. Колонны уже трескаются. Замазывай их, не замазывай – дольше, чем положено, не простоят.

– Дольше, чем дано, все равно не проживешь, ведь так?

– Особенно я. Может быть, завтра меня сожрут. Может, заражусь дрянью какой-нибудь, позаражаю весь переход и нас сожгут ради лишней сотни квадратных метров люди с тех же «Кукол». Или получу пулю от воинов ислама. Да черт подери, как угодно я могу умереть.

– И это тебя пугает?

Нельсон замялся. Кому приятно признаваться в своих страхах? Хотя отрицать их – еще глупее. Любой человек боится смерти.

– Хватит рассуждать, я думаю, – перевел он тему. – Расскажу им про поверхность, уговорил.

Глава 2

Полковнику никто не пишет

Нельсон посмотрел на свои наручные часы. Хорошие, водонепроницаемые и ударопрочные, даже через столько лет после конца света они продолжали служить верой и правдой. Мародеру этот хронометр подарил дед, который сам собрал его из двух пар советских часов. По крайней мере, он так рассказывал.

Нель поморщился. Поздно вышел, не так много времени до рассвета осталось. Да и ночи чересчур уж короткие летом. Зато не холодно, что, правда, тоже нельзя в плюс записать – химза не только снаружи защищает, но и тепло не выпускает изнутри, а ведь сверху еще броник, разгрузка и рюкзак. Получалось жарковато. А если ещё и побегать придётся...

Бульвар Домостроителей выглядел удручающе. Погибшие деревья, ковер из чахлой, едва живой травы, насквозь проржавевшие автомобили, и дома с мутными бельмами еще целых пластиковых окон и пустыми проемами старых деревянных рам...

Поймав себя на том, что он уже две минуты тарашится на окрестности, Нель все же заставил себя собраться и двинуться вперед. Идти ему было недалеко. До рынка «Алан» минут пятнадцать отсюда, если напрямик. Нель любил ходить туда.

Рынок был крытый, располагался возле «Домостроителей» и далеко от других переходов.

Близко был только один переход. И когда-то между мародёрами с «Домодедовской» и конкурентами возникало немало непоняток с дележом территории. Только вот недолго конкуренты прожили – через два года после Катастрофы прямо через гермоворота перехода на «Ипподроме» проросло какое-то растение.

Жители пытались бороться с этой напастью: жгли ее, травили бензином и кислотами. Но если уж вирусы, морозы и радиация не смогли справиться с ним, то что взять с несчастных? Было ощущение, что на самом деле все предпринятые меры только закалили этот чертов папоротник и сделали его сильнее.

В итоге народу пришлось уйти, а переход постепенно превратился в большую клумбу. Заселять переход никто не спешил, помня, что произошло с теми, кто решил остаться. Короче, дураков туда соваться не было.

Нель медленно продвигался по бульвару, стараясь держаться подальше от зданий, нависавших по обе стороны. Что скрывали их окна – черт знает. Может, и ничего. Но рисковать не хотелось.

На первый взгляд представлялось, что город абсолютно безжизненный. Но считать так было ошибкой. Казалось бы – если нет растений, то, что же едят животные? Ответ был прост: друг друга. И людей, разумеется, когда получалось

выковырять вкусных двуногих из жестких скорлупок.

Экологическая пирамида Элтона рухнула к чертям, как и все остальные биологические законы. Черт его знает, шел ли еще на Земле фотосинтез или даже трава теперь перешла на автотрофный тип питания.

Растения были измененные, изуродованные, но на удивление выносливые и сильные. Больше похожие на симбиотические организмы. Как лишайники, например. Росли прямо из разбитых окон, обвивая стены панельных многоэтажек. И совершенно неясно, были ли их семена занесены ветром или это комнатные фикусы, азалии и алоэ таким образом приспособились к условиям нового мира.

Мародер двигался пригнувшись, прячась среди машин. Радиометр был выключен, чтобы своим треском не привлечь ненароком лишнего внимания.

Еле слышный вой, раздавшийся откуда-то издалека, заставил Нельсона сильнее сжать в руках АКМ советской еще сборки. Он любил это оружие и мог поклясться, что чувствует ладонями материал рукоятки и цевья, хотя, конечно, прощупать их сквозь перчатки было невозможно.

Но прикосновение к оружию все равно успокаивало. В старые времена человек со стволом вообще практически всегда чувствовал себя хозяином положения. Сейчас же все изменилось. Теперь с оружием или без – ты просто раб обстоятельств, и хочешь не хочешь, но будешь им подчиняться.

Вой означал многое. В первую очередь то, что нарваться

на неприятности сегодня будет проще, чем обычно. А любые неприятности всегда чреватые, особенно на поверхности. Особенно поблизости от мечети Нур-Ихлас.

Поганое место.

Почему летающие мутанты, произошедшие то ли от птиц, то ли от ящериц, облюбовали в качестве жилища именно ее? Не высокие и удобные девятиэтажные здания, а приземистую мечеть?

Потому ли, что мечеть стояла обособленно? А может – из-за вместительных помещений, где ничто не мешает устроить гнездо и высидывать яйца? Да черт его знает. Нель вообще не был уверен, что действия мутантов можно проанализировать человеческой логикой.

Голубки, как называли мутантов в Челнах, были, пожалуй, одними из самых опасных порождений мира после Катастрофы. Имея три метра в размахе крыльев, они скользили по небу теньями, будто призраки. Правда, в отличие от призраков их определенно следовало бояться.

«Увидишь такого в небе – прячься. Не пытайся стрелять, он только с виду большой и неповоротливый, влет ты его не собьешь. Лучше всего падай на землю и закатывайся в ближайшую канаву. Или лезь в машину. Радиация радиацией, но лучше уж жить с запеченными яйцами, чем кормить своими потрохами птенцов».

Нель усмехнулся. Надо же, вспомнилось кое-что из собственных лекций. Хотя последний тезис многие воспримут,

как спорный.

Вой повторился. Чуть тише, но гораздо протяжнее. И он определенно принадлежал не летающему мутанту – те звуков вообще не издавали. Разве что когда ели. Именно за утробное воркование, которым сопровождался процесс поглощения пищи, их голубками-то и прозвали.

Тучи плотно закрывали небо, сквозь них не проникал свет луны или звезд. Стояла кромешная тьма, и чтобы разглядеть хоть что-нибудь, приходилось очень сильно напрягать глаза.

Фонарем Нельсон пользоваться вне помещения не рисковал, а прибор ночного видения... Вряд ли он когда-нибудь сможет притащить столько товара, чтобы его можно было сменять на ПНВ. Да и кто расстанется с такой штукой?

На дороге появился темный силуэт какого-то животного, опиравшегося на четыре лапы. Зверь медленно двигался по асфальтовой дороге, и даже с такого расстояния было заметно, что одна из лап подгибается при каждом движении.

Животное остановилось, запрокинуло голову вверх и снова завыло, вкладывая в вой все свое страдание и боль. Хотя, может быть, Нельсону это только почудилось и тварь, повинаясь инстинктам, пыталась созвать на помощь сородичей.

Так или иначе, вой заранее обрекал зверя на гибель. Потому что нельзя шуметь поблизости от гнезда голубков.

С неба неслышно спикировала тень, и секунду спустя силуэт животного исчез. Откуда-то сверху послышался предсмертный визг, очень быстро перешедший в скулеж и прак-

тически тут же оборвавшийся.

Мародер мрачно выругался. Про себя, разумеется.

В его голове промелькнула мысль развернуться и поискать место потише, а то вообще вернуться назад в сырое и холодное нутро подземного бомбоубежища, но он усилием воли отогнал ее. Во-первых, не факт, что в другом месте будет спокойнее, чем тут. Во-вторых... Проходить санобработку из-за десятиминутного выхода на поверхность?

Пробурчав этот довод себе под нос, Нельсон лег на асфальт и пополз, стараясь укрываться за бордюром. Три сотни метров, да ползком, да с рюкзаком и автоматом на спине...

Небольшая автостоянка перед воротами рынка была забита машинами. Чьи они были когда-то – жильцов или покупателей, сейчас не имело значения. На земле валялся кусок ржавого железа, в котором с трудом можно было узнать сорванный навесной замок. Его сорвал сам Нельсон, когда пришел сюда в первый раз много лет назад.

Рынок то ли не открылся в день катастрофы, то ли его успели закрыть, разогнав покупателей по домам. Благодаря этому внутри было практически чисто. В том плане, что, шарясь по нему в поисках вещей, вряд ли наткнешься на человеческие кости. Зато чем ближе были переходы, тем чаще попадались останки в квартирах и импровизированных убежищах, вроде подвалов домов.

Когда на город упали ракеты, люди собирались снаружи, колотили в гермодвери кто чем мог и требовали пустить их

внутри. Может, где-то и впустили, но на «Домостроителей» – нет. Военные не дали. Не положено по инструкциям.

Правда, у некоторых эмоции брали верх над разумом. Кто-то стрелялся, кто-то бросался на людей, и его утихомиривали толпой. Нель отогнал мрачные воспоминания.

Металлические створки ворот давно вросли в землю, и сдвинуть их получилось бы только трактором, наверное. Правда, двигать ворота было не нужно – в наличии имелся проем, достаточно широкий, чтобы мародер мог в него протиснуться. Если втянул бы живот, конечно.

Нельсон осмотрелся вокруг и, стащив со спины рюкзак, бочком прошел через проем между створками. Вернул рюкзак на место, проверил автомат. С виду все было тихо.

Здесь уже можно идти в полный рост – от голубей надежно скрывали ряды палаток, в которых ничего не сохранилось, и стоявший чуть поодаль разграбленный более десяти лет назад аптечный ларек.

Еще один, только больше, был в трехэтажном здании рынка, как и все остальное: павильоны, склады, столовая... В одиночку за всю жизнь не перетаскать. А больше сюда никто и не ходит – далеко и опасно.

Завести бы КамАЗ, загрузить его под завязку и подогнуть к переходу. Тогда можно вообще всю жизнь никуда не ходить – им с женой хватило бы. Не только головой рисковать больше бы не пришлось – даже с работы можно было бы уйти. И ему, и Марине.

Хотя ей-то он сотни раз говорил, что бабе на дезактивационном пункте делать нечего. Не слушает. Упрямая.

Только вот мечты это все. Машины, что еще на ходу, давным-давно приватизированы, стоят по гаражам, и берегут их больше, чем свою жизнь. А то, что не на ходу, либо сгнило до состояния ржавого остова, либо на детали разобрано. Да и что машина – для нее еще и топливо нужно, а за двадцать лет... Да парафин один в цистернах, что тут говорить.

Металлическая дверь была прихвачена за ручки несколькими витками шпагата. От двуногих, конечно, не защитит, зато мутантов в здании будет поменьше. Именно «поменьше», а не «совсем» – входов и выходов здесь было столько, что заблокировать все не было никакой возможности.

Мародер быстро размотал веревку, открыл дверь и оказался в темном помещении со стенами из гипсокартона и кафельным полом, покрытым толстым слоем пыли. Намотал шпагат на ручки уже с внутренней стороны, включил подствольный фонарь и двинулся вперед, освещая себе путь и рассматривая павильоны с одеждой.

Одежда из Турции, женское нижнее белье, шубы... Кому вообще пришло в голову продавать шубы летом? Так или иначе, зимние куртки, пуховики, шубы – все это абсолютно бесполезно и нетранспортабельно. Сколько пуховиков можно запихнуть в сумку? Один-два? А сколько свитеров или толстовок, например? Вот-вот.

Но мародер сегодня пришел не за этим. В глубине рын-

ка, на втором этаже был аптечный пункт, а в нем остатки лекарств, которые он еще не успел перетащить в переход.

Столб света выхватил оставленные на стене следы когтей. Это было так же плохо, как вой. А то, что в прошлый визит мародера следов еще не было, было еще хуже. Плюнув на светомаскировку, Нель включил налобный фонарь, мощный луч которого осветил коридоры между павильонами на много шагов.

Сверившись с картой рынка, висевшей на стене, мародер двинулся дальше, мимо запыленных стекол торговых точек. Следы когтей на стенах встречались еще дважды, причем они были достаточно высоко, примерно на уровне груди, и скорее всего принадлежали двуногому мутанту. Их мародер знал не так уж и много, но, не кривя душой, мог сказать, что предпочел бы не знать вообще.

Нель прошел по лестнице, вымощенной все тем же кафелем, свернул в следующий коридор и, наконец-то достиг своей цели – ларька, стоящего отдельно от торговых рядов. Прямо газетный киоск какой-то, только больше, и окна в человеческий рост, такие, что в них войти можно. Дверь была заперта тем же способом, что и наружная. Была у Неля такая привычка – перевязывать веревками ручки всех двустворчатых дверей.

Мрачно оглядев наполовину разграбленное помещение, мародер прошел в подсобку. Чуть в стороне стоял сейф, в котором хранились лекарства класса «А» – яды, наркоти-

ки, просто сильнодействующие средства... Открыть его было невозможно – ключа не было. Они наверняка у какого-нибудь управляющего, а сейчас только его и искать в мертвом городе.

Так что его только пилить или взрывать, а если взрывать, кто гарантирует, что лекарства будут пригодны к использованию? Но Нельсон пообещал себе, что рано или поздно в любом случае доберется до содержимого сейфа.

А остальные лекарства лежали по деревянным шкафчикам, запертым на мебельные замки. Если хорошенько рвануть на себя, то дверца откроется. Ну, или ручка оторвется. Как повезет, в общем.

Рукой, затянутой в перчатку защитного костюма, Нельсон с трудом ухватился за ручку и дернул на себя. Замок не выдержал, и шкаф с треском распахнулся, открывая взгляду мародера стройные ряды коробочек.

Ставив рюкзак со спины, Нель принялся кидать туда лекарства, отдавая предпочтение старым и надежным средствам, которыми еще его дед лечился: синтетические и полусинтетические пенициллины, стрептомицин, сульфаниламиды и прочее. И все просроченное, ага. Ну а как иначе, фармацевтические предприятия наверняка превратились в большую помойку. Особенно если учесть, что лекарства готовят из не самого безопасного для окружающей среды сырья.

Хотя голову снявши, по волосам не плачут. Тут уж весь

мир превратился в помойку, а выбросы с предприятий так – плюнуть и растереть.

Перевалив в рюкзак большую часть того, что было в шкафу, мародер подошел к следующему, рванул дверь на себя и недовольно скривился.

– Гомеопатия сраная, – прошептал он, качая головой и двигаясь к соседнему шкафу.

Вырвал третью дверь. Теперь к куче блистеров и коробочек с антибиотиками добавились еще и противорвотные, от поноса и боли в животе. Взвесив рюкзак в руке, он решил, что взял достаточно.

Оставалось еще добыть презервативов в соседнем зале – товар хоть куда: и легкий, и места не занимает практически, и отрывают с руками. Любви и тепла в такое время всем хочется, а вот детей – практически никому.

Покинув подсобку, мародер встал перед стеклянным шкафом, набитым презервативами различных размеров, форм и производителей. Открыв небольшое отделение под основным, мародер принялся сгребать легкие картонные упаковки.

В темноте за его спиной что-то скрипнуло. Мародер тут же бросил свое занятие, выключил фонарь, замер и задержал дыхание. Скрип повторился, звук был гораздо сильнее, а значит, ближе, но из-за резиновой маски на лице у Неля не было возможности понять, где находится источник.

«Нужно было сразу отсюда уходить, еще когда следы уви-

дел... – подумал Нельсон, чувствуя, как пот стекает по спине под водолазкой. – А еще лучше – не приходить вовсе, повернуть назад, когда понял, что голубки не спят... Ведь если они не спят, то кто-то их потревожил?»

Скрипнуло в третий раз, еще ближе, громче. Мародер, постарался как можно тише встать и дойти до угла, где на него не могли бы напасть со спины. Взяв автомат наизготовку, он вжался в угол и принялся ждать нападения, но тварь, оставившая следы от когтей, не появлялась, да и скрип больше не повторялся. Глаза постепенно привыкли к темноте, тьма будто таяла.

«Неужели свалила?»

Нельсон посмотрел на часы. Стрелки с тритиевой подсветкой показывали, что он почти полтора часа бродит по поверхности. А казалось бы, пару минут назад слышал, как за его спиной с лязгом закрылся гермозатвор...

Правая рука сама собой скользнула в карман разгрузочного жилета, вытащив фильтрующую коробку. Нель опустил на секунду автомат, взявшись левой за старый фильтр, принялся выкручивать его.

Громкий звериный рев ударил по ушам мародера, оглушая его, стекло со звоном разлетелось на куски, что-то тяжелое приземлилось в противоположной части павильона. Чистый фильтр был отброшен куда-то в угол. АКМ, как по волшебству, мгновенно был приведен в боевое положение, и тут же плюнул свинцом, озарив помещение светом дульной

вспышки.

Нельсон прекратил огонь, едва открыв его: одного короткого взгляда хватило, чтобы понять, что электрочайник, которым разбили окно, не может причинить ему никакого вреда.

Попытавшись взять себя в руки, мародер снова зажег фонарь, осветивший в коридоре сгорбленную фигуру. Этот вид мутантов был знаком мародеру, его предположения о том, кто оставил следы когтей на стене, подтвердились.

Их называли гопниками.

Нельсон выжал спусковой крючок, выпустив короткую очередь, но тварь, совершив какой-то невообразимый пируэт, ушла с линии огня и бросилась прямо на разбитое окно, снова взревев так, будто собиралась разбудить весь город.

Нельсон выпустил еще несколько коротких очередей. Пару раз попал в туловище точно, только вот мутация придала зверю кроме скорости и силы еще и огромный запас живучести. Тварь была уже в метре перед оконным проемом.

Все произошло практически мгновенно. Нель попытался было сменить позицию, но не успел. Монстр, собираясь подмять его под тяжестью своего тела, бросился вперед, но со смачным хрустом насадился на острые зубцы осколков оконного стекла и заревел, вложив в этот рев боль и ненависть, на которые не был способен человек, пусть даже бывший.

Он раз за разом тянул лапы к Нелю, только глубже вгоняя в свое тело стекло, окровавленные концы осколков уже

торчали из спины, пройдя сквозь жилистое тело насквозь. Двигаясь вперед-назад, мутант постепенно отрывал стекло от пластиковой рамы. Пугающий взгляд почти человеческих глаз уперся в мародера. Гопник опять попытался взреветь, но оказался способен издать только сиплый стон, после которого из его пасти в три ручья потекла кровь, блестящая в свете фонаря.

Мародер не торопился добивать тварь: когда еще рассмотришь живого, но практически беспомощного монстра вблизи?

Морда твари была покрыта шрамами, зубов в оскаленной пасти не хватало. Да он же старый! Поэтому и один: выгнали из стаи – старые особи слабее молодых, а значит, ставят под удар всех. Тем не менее мародер понимал, что ему просто повезло.

Даже старый гопник мог разорвать его на куски безо всякого труда, если бы ему хватило мозгов не напороться на стекло. Два метра роста, мощная мускулатура, огромная скорость – все это не оставляет шанса тому, кому повезло столкнуться с такой тварью лоб в лоб.

Встретившись с мутантом взглядом, Нельсон медленно сменил магазин на полный.

– Ну и страшный же ты, сукин сын, – обронил мародер, покачав головой.

Глаза мутанта были человеческими. Круглый зрачок, сейчас суженный из-за яркого света налобного фонаря, радуж-

ная оболочка зеленого цвета.

Никаких третьих век или вертикальных зрачков, как изображали демонов в старых фильмах. Монстр однозначно был человеком. Только вот превратился ли он в это сам или его действительно вывели? Пожалуй, вряд ли кто-то даст ответ на этот вопрос.

Тварь уже даже не скулила: изрезанные в клочья легкие попросту не давали ей такой возможности, она только беззвучно раскрывала рот. Кровь, смешавшись с пылью, образовала на кафельном полу темную лужу. Возле раны кровь вздувалась пузырем: воздух со свистом всасывался в полость грудной клетки. Любой человек, получив такие раны, умер бы мгновенно. Тварь тоже наверняка умрет, но зачем ждать?

Нель, вскинув автомат, одной короткой очередью разнес голову монстра, разыскал на полу фильтрующую коробку и заменил наконец фильтр противогаза. На секунду ему стало дурно от мысли о том, как же сейчас в помещении воняет кровью, и он в очередной раз порадовался тому, что вынужден носить противогаз.

* * *

– Нельсон, а когда это было? – спросил один из детей, имени которого мародер не помнил.

– Да... – задумался он, – лет восемь назад. Думаю, тебя тогда еще не было даже.

Да, восемь лет назад, когда все было еще по-другому.

– Нельсон, а почему тех тварей называют гопниками? – спросил Николай, перебив своего товарища.

К этому мальчику у него было особое отношение. В том плане, что он был достаточно взрослым, чтобы не бесить мародера. Вернее, вел себя достаточно по-взрослому, насколько это возможно.

– Потому что сильные, но тупые, и нападают обычно стаей. – Нельсон качнул головой и тут же получил подзатыльник по намыленному затылку от Ильи, уже приготовившего опасную бритву.

– Они мешают нам жить... – протянул Илья, принимаясь двигать опасной бритвой, сбривая волосы с головы Неля. Чтобы дать инвалиду возможность заняться этим, мародеру пришлось усесться на бетонный пол коридора.

Струйки мыльной воды стекали по телу мародера и капали на пол. Илья снова опустил бритву в таз с водой, оставляя в нем волосы.

– Вот ты бродишь по поверхности, бродишь, а волосы у тебя будто бы сильнее растут... – пробормотал Илья.

– Брей, не отвлекайся, – ответил мародер, разыскивая взглядом что-нибудь попить – он не привык говорить долго без перерыва. – Сам знаешь, в каких местах мне приходится бывать. Подхвачу сыпняк еще или что похуже.

– А я так и не понял, почему их так называют? – снова спросил парнишка. – Слово-то непонятное...

– Понимаешь... В мире до Катастрофы были такие люди. Они... не умели себя вести. Мешали другим. Могли побить, отобрать что-нибудь. Ну, их и называли гопниками. – Мародер пожал плечами. – Сложилось так.

– «Кто гадит в наших парадных, кто блюет в вагонах метро...» – протянул Илья, продолжая истреблять растительность на голове Нельсона. На секунду он обратился к своим подопечным: – Ладно, довольны? Послушали про поверхность? А теперь идите. Взрослым нужно кое о чем поговорить.

Дети, споря о том, чем им заняться дальше, выбежали из жилища Ильи.

Головная боль, исчезнувшая было после приема лекарств, стала постепенно возвращаться к мародеру. Неплохо было бы выпить еще таблеток и лечь спать...

– Слушай, Нельсон, а как ты думаешь... – прервал Илья мысли мародера. – Будут у меня дети?

– А почему нет? Я же тебе ноги только до колен... – мародер дернулся и зашипел после резкого движения Ильи, часть пены окрасилась в красный. Он хотел было сказать, что думает о своем друге как о парикмахере, но понял, что затронул одну из запретных тем и только и смог, что добавить: – Ну, ты понял...

Инвалида пробрало. Он с полминуты сидел неподвижно, забыв о бритве в своей руке и вспоминая, как оно было. Понимание того, что для сохранения жизни придется пожерт-

воватъ ногами, хлещущая изъ культей кровь, несмотря на туго пережатые жгутами артерии, и нестерпимая боль...

Несмотря на потерю крови, болевой шок и все-таки подействовавшие болеутоляющие, он помнил это хорошо. Слишком хорошо... Хотел бы забыть, да не мог.

– Скальп только не сними с меня! – Нельсон ухмыльнулся, и попытался сделать вид, будто ничего не говорил. – У меня, судя по всему, точно не будет. Да, наверное, и не надо... А у тебя вполне.

Мародер знал, что рано или поздно умрет. Если наугад со-вать голову в разные дырки, то рано или поздно наткнешься там на того, кто эту голову тебе оторвет. Это будет логично и закономерно, а с логикой Нельсон всю свою жизнь дружил.

– А как думаешь, они нормальными будут? – Илья ухватился за его реплику, как за спасательный круг, продолжая разговор. – Не больными?

– Откуда мне знать? А что, ты нашел кого-то, кто решил связать свою судьбу с ботаником? – в очередной раз усмехнулся Нельсон.

Илья густо покраснел, видимо, от смущения. Значит, кто-то и правда нашелся.

Он продолжил брить голову мародера, думая о чем-то своем. Наконец последний клоч волос был безжалостно сбрит и мокрая голова заблестела под тусклой лампой, освещавшей каморку инвалида.

– Вот так вот... Переженитесь вы постепенно, а я один

останусь. – Нель рассмеялся, взял со спинки соседнего стула полотенце, насухо вытер голову и схватился за зеркало. – Если вообще останусь... А я себе так даже больше нравлюсь. А что? Мужественно же...

– Может, женишься еще? – негромко произнес Илья, и не было понятно, обращается он к себе или к Нельсону.

Мародер резко развернулся и уже открыл рот, чтобы обложить инвалида, но в дверь неожиданно постучали и в проем между ней и створкой просунулась голова Коли.

– Нельсон... – произнес он. – Просили передать, что вас ждет полковник. Срочно.

Полковником называл себя комендант подземного перехода на «Домостроителей».

И это действительно был военный, из настоящих, тех, что давали присягу. По крайней мере, китель и погоны у него были. Поговаривали, что мужик еще в молодости прошел несколько горячих точек. Где-то воевал официально, где-то – в добровольческих отрядах. Шел ему седьмой десяток, и, судя по всему, уходить на пенсию старик не собирался.

Интересная личность. И ждать он очень не любит. Значит, разговор с Ильей следует отложить на какое-то время.

Мародер натянул футболку и свитер, кивнул инвалиду, показывая, что их разговор еще не закончен, и пошел прочь.

– Не женишься. Останешься один... Если вообще останешься... И, кажется, это тебя совершенно не беспокоит, дружище... – Илья покачал головой и взялся за уборку.

– Заходи, сержант, садись, – кивнул полковник Нельсону. Он никогда не называл никого по именам, видимо, считая, что раз в переходе власть у военных, то и все должны иметь звания. Быть мобилизованными. Вот и Нельсон – сержант разведвойск, и все тут, и как он ни пытался объяснить старику, что не желает быть военным и зваться сержантом, это не возымело действия. – Есть для тебя дело.

– А я только собирался отпуск брать, – усмехнулся мародер. – Думал, махнуть на курорт куда-нибудь. В Крым, в Ялту, искупаться.

– Отдыхать потом будешь. Так вот... – Полковник пожевал нижнюю губу, никак не отреагировав на юмор Нельсона. Хотя и шутка-то была так себе. Было видно, что полковник напряжен. Слишком напряжен. Верный признак того, что что-то случилось. – Нужно сходить кое-куда...

Нель сначала заглянул в светло-голубые глаза полковника, а потом в который раз за эти годы оглядел его полностью. Тот выглядел довольно молодым и сильным и был из той когорты стариков, что начиная с пятидесяти не меняются. Сложно было угадать его возраст, а спрашивать Нель не решался. Хотя, по прикидкам, полковнику год или два назад исполнилось шестьдесят. Худощавый, на полголовы выше мародера, волосы тронуты сединой. Лицо изрезано морщина-

ми, под носом тонкие жесткие усики: такие отрачивают военные, которые очень хотят бороду, но не могут позволить из-за устава.

Стоило признать – старая армейская форма, которую он содержал в чистоте и порядке, придавала ему благородства. Серьезный человек. Такой шутить не станет.

– Меня для другого не зовут, – мародер отбросил шуточный тон. – Слушаю.

– В общем... – начал полковник и остановился, подбирая слова. Мародер пытался тем временем вспомнить настоящее имя военного. – «Булат» ушел на «ДК Энергетик». Сам понимаешь, что это значит.

– Решили присоединять его к Конфедерации? – Нель усмехнулся и с жаром заговорил: – Давно пора. Халифат растет, подминает под себя больше и больше. Нас просто сомнут. Надо расширяться.

– Мы работаем над эвакуацией. Уйдем туда, где места хватит всем. – Полковник сверкнул глазами. – Сам понимаешь, что тот переход вообще находится на другом конце города. Дойти тяжело.

– Тяжело, – пожав плечами, согласился мародер. – Ночи короткие, черт знает, успеешь вообще дойти... И это даже если не встретишь никого. Ни тварей, ни людей...

Полковник снова пожевал губу, покачал головой. Глаза его сузились.

– Они должны по радио сообщить, что все нормально и

что приступили к переговорам. Но на связь не вышли. Не дошел «Булат». Или что хуже... дошел, но не срослось с переговорами.

В кабинете полковника повисло тяжелое молчание. «Булат». Они были солдатами-срочниками еще до Войны, вышли на поверхность одними из первых. За двадцать лет мальчишки-солдаты превратились в по-настоящему крутых бойцов. В профессионалов, раз за разом поднимавшихся на поверхность и, что гораздо важнее, возвращавшихся обратно.

И если они не дошли, значит, случилось что-то из ряда вон.

– Я должен узнать, что случилось с группой? – спросил мародер, с трудом подбирая слова. – Добраться до перехода на ДК?

– Да. Если что-то произошло в дороге, сможешь пройти их же маршрутом и... – Лицо коменданта сморщилось, он не любил говорить о плохом. Хотя в последнее время только о таких вещах и приходилось... – В общем, если что, то ты найдешь останки. Если нет... Черт его знает, если нет... Отправлять тебя воевать с ДК я не могу. Стрелять ты умеешь, тактике тебя тоже выучили, но... Сам понимаешь. – Больше, чем говорить о плохом, полковник не любил только напрасно рисковать людьми. Зато если он считал, что человек может погибнуть не напрасно, а за дело, то с полным осознанием мог пожертвовать им. – Попытайся разузнать, что там и

как... А потом возвращайся.

– А какой мне прок от этого? Жизнь на поверхности невозможна, я знаю это лучше, чем все остальные. Так что сказки об эвакуации меня не мотивируют. Думаю, они уже никого не мотивируют.

Полковник замолчал. Он взял со стола карандаш и принялся вертеть его между пальцев. На секунду мародеру подумалось, что старик сейчас воткнет этот карандаш ему в глаз.

– Ты... – с трудом держа себя в руках, проговорил военный, – сержант. Чтобы задавить фанатиков, ты пойдешь туда?

Теперь была очередь Нельсона думать. Он понимал, что идти надо, иначе зачем он этим людям? Головная боль, начавшая подавать признаки жизни еще во время бритья, проснувшись окончательно, сдавила виски и затылок, заставив Неля зажмуриться.

– Я пойду, – медленно кивнул мародер, не открывая глаз. – Показывай маршрут, которым шел «Булат», давай... инструкции.

Комендант будто бы мгновенно успокоился, полез рукой в ящик стола и вынул слегка замасленный кусок глянцевой бумаги, положил на стол.

– Смотри. До «Кукол» ты пойдешь с караваном, – полкан ткнул в кусок бумаги, оказавшийся картой Челнов, длинным и тонким пальцем. – Он как раз сегодня выходит, на закате, там...

– Я пойду один, – перебил его Нельсон, протестуяще мотая головой, которая отзывалась вспышкой боли на каждое движение.

– Ты пойдешь с караваном, – не терпящим возражений тоном ответил полковник. – Если кто-то следит за переходом, будет больше шансов, что они не поймут, кого мы отравили. Встретишься с комендантом перехода на «Театре Кукол». Он должен будет оказать содействие. Дальше...

Нель решил промолчать – караван так караван. Там идти-то минут сорок. Ну, может быть, час. На споры больше времени уйдет. Да и прав он, на самом деле. Кто поймет, что один из шести мужиков в противогазах – Нельсон?

Палец уткнулся в линию на карте, обозначающую проспект Мира.

– Дальше двигаешь по проспекту, прямо и на ГЭС. Маршрут специально был выбран самый прямой. Ну, ты понимаешь...

Чем прямее маршрут, тем короче, да и меньше шансов попасть в засаду тварей – не нравились им чем-то открытые проспекты. А чем короче маршрут, тем меньше времени проводишь на поверхности. Лишние полчаса могут многое решить.

– Дальше мост. Ну, тут, сам понимаешь, рискованно. Но обходить – это еще рискованнее. – Палец скользнул влево по карте, и полковник дважды стукнул по значку остановки. – И вот здесь... Вот здесь пункт назначения.

Нель осмотрел карту. Чуть дальше, полчаса хватило бы, чтобы добраться до автовокзала. А в двадцати минутах поворот, ведущий на развалины плотины Нижнекамской ГЭС, и через нее дальше на трассу М-7. Но на это до Войны ушло бы столько времени. А сейчас...

– Сам понимаешь, рисковать тобой не хочу. Но придется.

Мародер кивнул – ему было наплевать на все нелепые оправдания коменданта. Такие люди всегда, не задумываясь, жертвуют пешками.

Оставалось надеяться, что ему досталась роль не пешки. Или хотя бы что жертвуют им не зря.

Глава 3

Паразит

Нельсон толкнул дверь жилища Ильи. Его дома не оказалось: видимо, инвалид укатил куда-то по своим делам. Мародер осмотрелся. Хоть он и был здесь уже много раз, каждый визит в гости к старому товарищу приносил ему несказанное удовольствие.

Мудрецы далекого прошлого говорили, что обстановка, окружающая человека, накладывает отпечаток на его характер. Верно и обратное. Посмотрев на обстановку в берлоге инвалида, можно было сделать большое количество выводов о нем.

Верстак с металлическими тисками, практически все стены заняты полками: паяльники, микросхемы, электронные компоненты, грубо нарубленные куски припоя. Почти всю комнату занимал стол-трансформер, который на ночь складывался и задвигался в угол, а место его занимали раскладушки.

Однако по сравнению с берлогой самого мародера комната Ильи была действительно обжитым местом. У Неля был только ватный матрас, дырявый и потерявший изрядную долю обивки, деревянный ящик для оружия и обмундирования да две клетчатые сумки – одна заменяла мародеру пла-

тяной шкаф, во второй он хранил вещи ныне покойной жены. Выбросить их или отдать нуждающимся у него так и не поднялась рука.

Намерение ругаться с инвалидом пропало – настолько мародер был обескуражен известиями, которыми поделился с ним комендант. Да и забыл он уже, откровенно говоря, о чем спор там был.

Самый старший из воспитанников, закусив губу от усердия, аккуратно тащил проводок из-под паяльника, лежащего на куске желтой канифоли. В комнате стоял тяжелый запах испарившегося флюса. Ладно бы хоть дверь открыл, что ли... Дышать невозможно же.

– Тебе противогаз давать впору, парень, – обратился к ребенку мародер, покачивая головой. – Надышишься свинцом пополам с канифолью, ей-богу. – Николай, ничего не ответив, положил провод на припой и принялся разогревать его паяльником. – А где Илья-то? И чего вы пользуетесь этой фигней? Я думал, ее уже с конца прошлого века никто не...

– Вот когда что-нибудь другое нам принесешь, тогда и начнем, Нель, – раздался из-за спины голос механика. – Комбинированные припои, новомодные флюсы... А пока пользуемся тем, что челноки тащат. Приходится дедовским способом: оловянный пруток да кусок сосновой канифоли.

Мародер пропустил причитания своего единственного друга мимо ушей. Его уже много раз просили посетить магазин радиоэлектроники, да как-то не сложилось пока. Он

посмотрел на свои любимые часы: около шести вечера. Часа три времени есть еще...

– Я сегодня ухожу на «Театр кукол» с караваном, – прервал он Илью, продолжавшего свою речь о послевоенной радиоэлектронике.

– Вот как? – Инвалид удивленно поднял брови. – Ты же теперь ходишь только в одиночку, нет?

– Обстоятельства так сложились... – усмехнулся мародер. – Не ревнуй. Собираться нужно.

– Да... – Илья мотнул головой. – Давай поедим сначала. Остальные дети все равно с родителями сегодня. Выходной у меня.

– Макаренко... – протянул Нель. – Зачем тебе провода-то?

– Я тебе не говорил о своей новой бизнес-схеме? – Илья усмехнулся, демонстрируя спрятанную в собственных словах иронию. – Учись, пока я жив. Закупаю у караванщиков всякой поломанной фигни по дешевке. Ремонтирую. Продаю. Профит.

– Ага, бизнесмен, – протянул Нельсон. – Может, еще патроны делать начнешь? Или «дезу» варить?

– Не... На это у химиков с «Райисполкома» монополия. И у братков с «Театральной». Но если есть идеи, как рынок под себя подмять, товаром я тебя обеспечу.

На «Райисполкоме» делали порох и крутили патроны; братва, засевшая на «Театральной», гнала самогон и делала

дурь из всего подряд, начиная от довоенных лекарств и заканчивая грибами, выращенными на дерьме. После войны покупателей на такой товар стало значительно меньше, тем более что в большинстве переходов наркота была запрещена, но нет-нет да пытался кто-то пронести кулек на дне рюкзака.

Таких безжалостно отлавливали и гнали прочь. Люди, готовые на что угодно ради очередной дозы, никому не были нужны. И естественно, все слова Ильи по этому поводу были всего лишь шуткой.

Паренек, повинувшись жесту инвалида, завернул канифоль в салфетку, после чего убрал на полку, куда через секунду отправились припой, паяльник и уже луженые провода.

– Но это не самое важное. Смотри, что привезли торговцы твои, – Илья протянул мародеру пакет с несколькими небольшими колбасками.

– Сосиски? – Нель, скептически прищурившись, посмотрел на своего бывшего напарника.

– Ага, – довольно кивнул инвалид. – Кто-то начал делать на продажу.

– Я даже боюсь представить, что они туда кладут, – покачал головой Нельсон. – А Коля наверняка вообще никаких в жизни не пробовал...

– Да, а я спросил у челноков насчет состава. Там субпродукты, хрящи перемолотые, кожа свиная, мясо, конечно, и крахмал.

– И ты это есть будешь?

– Мы будем. – Илья положил пакет на стол и обратился к мальчонке: – Николай, поставь воду на плиту, будь добр.

Нельсон помотал головой, давая понять, что предпочтет отказаться от предложения своего старого товарища.

– Да не кривись ты так, – махнул рукой Илья. – Как будто это самое худшее, что тебе приходилось есть.

– Некоторые и мясо мутантов жрут на самом деле... – пожал плечами мародер. – Которое не сильно фонит. Деликатесом считают, хавают за обе щеки да добавки просят.

– Кто будет есть мутантов, сам рано или поздно станет мутантом. Или заболит раком крови каким-нибудь. – Инвалид осекся, поняв, что говорить о таких вещах с мародером не стоит.

– Нет такого понятия – «рак крови», рак только в эпителиальных... – мародер прервался на середине предложения. На лице у него проявилось злое веселье, и он специально перевел взгляд на свои ладони.

– Медицинское прошлое дает о себе знать. – Илья безыскусно попытался перевести тему: – Почему ты по поверхности бегаешь до сих пор? Мог бы ведь нормально работать.

– Потому что прошлое только мое. – Нельсон поднял взгляд. В карих глазах, отражавших тусклый свет диодов, плескалась злоба. – Это настоящее для всех нас общее. А будущего вообще нет. Ни у кого. А у меня его персонально нет.

– Вода вскипела, – заметил Николай.

– Я не голоден, спасибо, – покачал тот головой. – Я лучше

пойду. Мне собираться.

– А куда? – Илья встрепенулся. – Далеко отправляют?

Все, что касалось выходов на поверхность, очень сильно интересовало его. Неудивительно, если учесть, что раньше он именно этим и промышлял.

– Далеко, – Нельсон кивнул. – На ГЭС.

– В ДК? – Инвалид недоуменно посмотрел на своего бывшего напарника. – Туда же вчера «Булат» ушел.

– Что, уже весь переход знает? – усмехнулся Нель. – А мне полковник говорил, что это страшно секретная миссия, от которой зависит будущее всего мирового порядка. В пределах нашего дрянного мирка.

– Весь не весь, но кому надо – знают. – Илья почесал голову пятерней, после чего понюхал пальцы. – Я сделал им заказ. Все равно ярмарка же. Говорят, даже больше, чем на «Театре кукол».

– Я уж заказов брать не буду, извини, – помотал головой мародер. – Идти придется быстро. «Булат» пропустил сеанс связи. Судя по всему, что-то случилось. А если что-то случилось с «Булатом», то сам понимаешь...

– Понимаю, – Илья вздохнул, – но ты мог бы помочь старому другу... Ладно, иди собирайся, я потом подойду к герме, провожу тебя.

Нельсон, уже полностью одетый для выхода на поверхность, раскладывал по карманам разгрузочного жилета снаряженные магазины.

Он давно сменил АКМ на более новую да и гораздо лучше подходящую для городского боя модель, хоть и под тот же калибр. АК-104. Как этот автомат вообще оказался в Набережных Челнах, мародер не представлял. Да его это особо и не интересовало, если честно. Есть и есть.

Удобнее, чем АКМ, есть режим с отсечкой по три выстрела. Длиннее чем «ксюха», конечно, но ненамного. Зато греется намного меньше. Что еще нужно для счастья?

– Значит, уходишь? – задал вопрос Илья, появившийся в дверном проеме.

За его спиной мелькнула субтильная фигурка одного из воспитанников. Самого младшего, Марка, или как его там...

– Илья, я же уже объяснил все? – глухим голосом спросил Нельсон, щелкнув переключателем режимов стрельбы. Двигался тот туговато, что особенно чувствовалось в толстых резиновых перчатках костюма химзащиты. – Нужно идти. Да, на другой конец города, но не в первый раз же. Я и дальше заходил.

– Ага, я помню. Это не тот раз, когда ты нашел переход, полный разложившихся трупов?

Было и такое. Тогда Нель сжег логово мелких падальщиков-броненосцев, устроенное в одном из переходов. Сначала он подумал, что люди попытались уйти оттуда на седьмой день, во время эвакуации, но когда спустился вниз, наткнулся на трупы.

Догадки о том, как могло получиться так, что вымер целый переход, мародер предпочитал держать при себе.

– Да, было такое, – согласился Нель. – Только в любом случае нужно идти. Пятеро мужиков, ни одного из них слабаком назвать нельзя, на поверхность они вышли самыми первыми... Ты хоть понимаешь, что значит – если они не дошли?

На голову словно надели раскаленный металлический обруч и теперь медленно сжимали его, уменьшая диаметр. Нужно было срочно принять еще таблеток, но делать это на глазах у инвалида и детей было нельзя.

Недопустимо, чтобы кто-то увидел его слабость.

– Понимаю. Только почему ты твердишь все время, что у тебя будущего нет? Почему все время говоришь, что скоро умрешь? До того, как Марина умерла, за тобой такого не было!

Мародер снова шелкнул, переводя предохранитель обратно в «закрытое» положение, и опустил автомат на матрас, который обычно использовал в качестве кровати. Грудь часто вздымалась, это было заметно, несмотря на то, что на мужчине был костюм химзащиты. Руки дрожали.

– Я тебя как друга просил об этом не говорить. – Нельсон

посмотрел на инвалида. Он всегда предпочитал разозлиться, нежели обидеться, но сейчас в его голосе злости не было. – Неужели нельзя послушаться? Это было пять лет назад.

– Это было пять лет назад! – повторенная Ильей фраза, но с другой интонацией, обрела иной смысл. – Может быть, ты, наконец, попробуешь жить нормальной жизнью? Даже я, без ног – и то нашел себе пару. А ты – здоровый, сильный мужик, боец! Неужели ты не найдешь никого?

Марк исчез, видимо, понимая, что его эти разговоры не касаются. Мародер развернулся и сел на матрас, прислонившись к стене.

– Это я ее убил, понимаешь? Я не должен был позволять ей работать на дезактивашке, должен был заставить ее уйти оттуда. А теперь... После всего, что произошло... – Нельсон на секунду замолчал, собираясь с мыслями. – Ты думаешь, хоть одна дура за меня пойдет? Мне врать можешь – себе не ври, они же шепчутся и крестятся, когда я мимо прохожу. Они же меня мутантом считают, думают, что еще чуть-чуть, и я клыки отращу и поубиваю их всех.

Илья посмотрел на своего товарища, открыл рот, собираясь было возразить, но понял, что противопоставить доводам Нельсона ему по большей части нечего.

– Да я и есть мутант. – Нель сплюнул на пол густой слюной, запустил руку под матрас, вытащил из-под него упаковку таблеток и отправил в рот сразу две.

– Ты думаешь, я не вижу, что ты болеутоляющие пачками

жрешь? – спросил Илья. – Я тебе полгода назад говорил и я сейчас скажу – сходи в лазарет. А еще лучше – подними задницу и дойди до «Медгородка». У них там даже рентген есть, посмотрят тебя и скажут. А что, если это рак мозга – ты не думал?

– Скорее мозг рака. – Нельсон усмехнулся своей шутке.

Хотя фон в переходе и был повышенным, но не настолько выше нормы, чтобы спровоцировать какие-то изменения. А все, что приносили с поверхности мародеры, тщательно проверялось и либо обеззараживалось, либо отправлялось в утиль.

Раковых больных в переходе на «Домостроителей» не было. Больше не было. Была жена Нельсона, но она очень быстро умерла без надлежащей терапии. Да и рак ли это был или что-то другое? Никому не известно.

– Откуда мне вообще знать, что это? – спросил Нельсон, чувствуя, как боль постепенно исчезает. – Может, это вообще что-нибудь... Какая-нибудь тварь в моей голове. Помнишь беженцев с «Ипподрома»?

«Домостроителей» был ближе всего к переходу, который постигло несчастье, и естественно, что военные привели выживших именно сюда. Они рассказывали, что, когда растение проросло сквозь металл гермодверей, военные держали оборону до ночи, пытаясь уничтожить его: поливали кислотой, травили, даже жгли из огнемета, но все было бесполезно.

Порождение Катастрофы было сильнее людского военного гения, и ночью им пришлось покинуть переход, выводя за собой народ.

Из военных не выжил никто, но умирали они уже на «Домостроителей». Тогда и Нельсону пришлось вспомнить короткий курс медицинской практики. Роль младшего медперсонала исполнить он вполне мог.

А когда стало понятно, что происходит с этими людьми после смерти, Нельсону пришлось поработать еще и по основной специальности.

– Превратиться в ходячий цветочный горшок – это не самое лучшее, что можно придумать. – Илья положил руки на колени, посмотрел на них. – И я думаю, что сделал ты все правильно.

Каким-то образом растение поднимало мертвых. Через полчаса после того как мародеру пришлось оттащить в угол и укрыть простынями первых военных, ему же пришлось взяться за нож, чтобы упокоить мертвых, неожиданно проявивших не положенную им активность.

Как выяснилось позже, корни растения в трупах сплели вторую нервную систему, с крупным узлом в головном мозге. Тела зараженных пришлось расчленять. Благо крови из них не текло – сердце биться эта дрянь не заставила, видимо, в этом не нуждаясь и питая мышцы по стеблям, как по трубкам.

– Я прекрасно понимаю, что сделал все правильно. Урод-

ливая имитация жизни, – пожал плечами мародер. – А если и со мной что-нибудь такое? Если завтра я сойду с ума и начну крушить все кругом?

– Но ведь предпосылок никаких нет... – У инвалида закончились доводы.

– Это и есть предпосылки, брат. – Нель поднялся с пола, держась рукой за стену, ткнул пальцем себе в висок.

Сделав шаг вперед, мародер нашарил на поясе противогазную маску, растянул неподатливую резину и надел на лицо. Это всегда удивляло инвалида: абсолютно разные люди, спрятав лица за резиной противогаза, становились похожи, как однояйцовые близнецы. В противогазе не видно ни мимики лица, ни глаз – стекла бликуют, отражая тусклый свет диодов.

– Нужно успеть в жизни сделать хоть что-нибудь важное, – глухо прозвучало из-под маски. – Откатись немного, дорогу загораживаешь.

Илья, сдвигаясь с пути мародера, успел подметить, что и голоса у них становятся одинаковыми. Нель медленно прошел мимо друга, даже не кивнув ему, и двинулся в сторону выхода.

Возле гермозатвора уже собрались «близнецы» Нельсона – пять человек в противогазах. Четверо из них различались разве что размерами, да и то – стандартные общевойсковые защитные комплекты скрывали фигуры, превращая людей в безликие тени. А одинаковые разгрузки и бронежилеты за-

вершали процесс полной унификации.

Из караванщиков внешним видом выделялся только один. Это был здоровяк в броне из хорошо подогнанных металлических пластин, напоминавших рыцарские латы из учебников истории. Встретил бы такого до Войны, подумал бы, что косплеер или реконструктор. Ну, если бы мужик не сжимал в руках здоровенную дуру «Печенег», которая нарушала образ.

– Здорово, мужики, – проговорил Нель, протягивая руку.

– И тебе привет, военный, – ответил один из торговцев, пожимая протянутую руку. Он был хозяином каравана, это было понятно сразу, несмотря на то, что одет он был так же, как остальные, а вооружен вообще неприметной «ксюхой». – В усиление к нам прибыл?

– Скорее в нагрузку, – прорычал из-под щитка шлема здоровяк, после чего загоготал на весь переход.

Нель усмехнулся и постучал по глухо зазвеневшему шлему кулаком.

– Есть кто дома? – спросил он. – Или ты только тяжести таскать умеешь?

Здоровяк зарычал и попытался неуклюже двинуть Нельсона прикладом, но тот резким движением ушел с траектории удара.

– Вы ему анаболики в корм добавляете? – невозмутимо поинтересовался Нельсон, восстановив равновесие. – Или он у вас как в том кино в чан с волшебным эликсиром упал?

– Военный, прекрати. Ты же взрослый человек. – Несмотря на то что голос был приглушен маской, в нем отчетливо были слышны неодобрительные нотки. – Тай, извинись. Он на поверхности провел больше, чем ты за столом просидел.

Здоровяк буркнул что-то и отвернулся, демонстрируя нежелание общаться.

– Вот и познакомились, – пробормотал мародер, усмехнувшись.

Караванщик Нельсон считал странным народом и никогда не пользовался их услугами, предпочитая покупать необходимые вещи напрямую у торговцев на крупных рынках вроде того же «Театра кукол» и не переплачивая за это.

Самому Нелю никогда не приходило в голову закупить чего-нибудь на «Театре кукол», принести это к себе на «Домостроителей» и загнать, заламывая цену в два-три раза. Хотя если просили, то он мог что-нибудь притащить с поверхности, и обычно бесплатно: мол, почем взял, потом и продаю. В последнее время просили не так уж и часто, предпочитая обращаться либо к военным из «Булата», либо к тем же самым караванщикам.

Хотя цены были справедливыми. Пошлина за проход по поверхности могла быть высокой. Иногда она и вовсе была непомерна: даже жизни не хватало, чтобы расплатиться за прогулку поверху.

Нель встречал остатки караванов: растащенные кости в обрывках противорадиационных костюмов, россыпи гильз,

расстрелянные боекомплекты, полностью убитые интенсивной стрельбой стволы... От таких находок не было толку: караваны оборонялись до последнего патрона, а таскать полежавшие под радиоактивным солнцем и дождями вещи смысла не было.

И вот что странно. Нель знал мало ночных тварей, от которых было бы тяжело убежать. Получается, караванщики просто отказывались бросить товар? И драться до последнего патрона их заставляла не доблесть и отвага, а банальная жадность?

– Я Ван, – представился хозяин каравана. – Железный дровосек – Тай. Остальные...

– Я все равно не запомню, – мародер отрицательно покачал головой. – В каком порядке идем?

– Тай всегда идет впереди. Как видишь, у него и снаряжение подходит... – начал Ван объяснять порядок, но сбился. – Военный, мы про тебя слышали до фига. И надеюсь, что правды больше, чем выдумок.

Нельсон пожал плечами, мол, что хотите, то и думайте. Слухов про него ходило много. Да, чего уж греха таить, в первое время он сам их и распускал. Но не как молодые, хватаясь за выпивкой, а так, аккуратно: здесь бросил слово, там вставил предложение...

– В общем, пойдешь в хвосте, – принял решение караванщик. – Если правда, что ты один ходишь, значит, и спину прикрыть сможешь. Просто иди за нами, слушай и смотри,

что сзади происходит. Если что – маякуй. Хорошо?

Нельсон снова пожал плечами и полез в карман разгрузки за фильтром. Осмотрел со всех сторон коробку защитного цвета. В последнее время часто попадались «очищенные» фильтры. Или просто вскрытые и перепаянные. А иногда и вовсе поддельные.

Черт его знает, говорили, что на «Молодежной» открылась лаборатория по очистке фильтров, но Нельсон понятия не имел, как оно может работать. Но более гнусного занятия, чем палить фильтры, он придумать не мог. Разве что патроны подделывать.

Коробка с виду была нормальной, и мародер подсоединил ее к маске. Вдохнул абсолютно безвкусный воздух, покачал головой и повернулся спиной к караванщикам.

– Илья, – тихо произнес он, обращаясь к своему единственному и лучшему другу. – Я не знаю, что со мной будет. Но я всегда знал, что кончится это примерно так. От судьбы не уйдешь. Удачи тебе, брат.

За его спиной дежурные открывали выход на поверхность, в мертвый город.

Напоследок кивнув инвалиду, мародер двинулся следом за поднимавшимися наверх торговцами.

– Нет будущего, от судьбы не уйдешь... – прошептал Илья, качая головой. – Что-то не замечал я никогда за тобой таких наклонностей, брат... Эх, Маринка...

Гермоворота закрылись за их спинами. Нельсон медленно пошел вверх по лестнице, облицованной мраморной плиткой. Каждый раз, когда он поднимался здесь, ему вспоминались трупы с раздутыми животами и вонь разлагающихся тел.

И каждый раз он задумывался: могли они спастись? Если вместо того, чтобы тратить свои последние дни на напрасную надежду, люди попытались бы обустроить укрытие где-нибудь в канализации. Или вообще покинуть город.

Хотя. Знал Нель одно место в канализации...

Его передернуло от воспоминаний. Чтобы отвлечься, он поднял взгляд и осмотрелся вокруг.

Знакомые места, практически родные. Сколько он здесь ходил и до Войны, и после? Можно было бы сказать, что пейзаж практически не изменился. Еще бы: взрывная волна сюда не дошла, а панельные многоэтажки простоят еще лет тридцать, прежде чем начнут рушиться под собственным весом.

Если бы только не мертвые деревья и растащенные по всему проспекту кости. Естественно, что похоронами никто себя не утруждал: свалили тела чуть в стороне от дороги. А потом кости растащили. Сначала просто дикие собаки, а то, что не доели они, досталось тварям. Порождениям Катастрофы.

Караванщики тоже усиленно вертели головами, но картина для них была вполне привычной. В некотором роде даже спокойной.

– Ну, с Богом! Давайте двигаться, – проговорил Ван, включая подствольный фонарь. Посмотрел на мародера. – Военный, как договаривались, ты идешь в хвосте.

Нель кивнул ему и тоже нажал на кнопку, включающую фонарик. Это, когда ты один, лучше идти без него. Меньше шансов, что заметят. В группе такого можно не бояться.

Когда идешь в группе, заметят тебя в любом случае. Вопрос лишь в том, одержит ли инстинкт самосохранения твоя победа над голодом.

Замелькали лучи фонарей, выхватывая из темноты человеческие останки.

– Мы сколько сюда ходим, все удивляемся... – обратился хозяин каравана к Нельсону. – Почему вы не уберете их, не похороните?

Здесь были трупы не только тех, кто собрался здесь в поисках убежища в день Катастрофы. Здесь были тела тех, кто умер уже в переходе. По разным причинам: кто-то заболел, кто-то покончил с собой, а чья-то смерть произошла в результате насильственных причин. Но это было редкостью. Все же дисциплина.

Но здесь не было ее тела.

– Тише, тише, Мариночка. Нам недалеко идти. Потерпи чуть-чуть, сейчас только, дверь откроют, и посмотришь на небо. Ты же хотела его видеть, да? Хотела увидеть небо...

Дверь открывать не хотели. Охранник на заставе сегодня был один, он смотрел на мародера в полном снаряжении, противогазе и большим мешком на плече. Из полиэтилена торчала тонкая женская кисть. Сам Нельсон руки не замечал, а обратить его внимание на это ни у кого не хватало духа.

– Куда мы тебя в таком состоянии отпустим, Нель? – в очередной раз попытался вразумить мародера дозорный. – Ты проспался бы хоть, а потом шел бы. Она-то и подождать теперь может...

– Открывай. Открывай, говорю! – прикрикнул Нельсон и снова принялся шептать, утешая жену: – Тише, тише, Марина, это я не тебе. Сейчас он откроет, я договорюсь... Вот увидишь, ты же знаешь, я всегда договаривался...

Его причитания потихоньку становились все глуше, и в конце концов он умолк. Повернул голову, посмотрел в глаза дозорного.

– Полковник мне голову оторвет, если не вернешься, неужели не понимаешь? – Тот попробовал последнее средство, то ли от безнадеги, то ли испугавшись взгляда мароде-

ра. Кто его знает, он же пил три дня, а сейчас забрал труп из холодильника и на поверхность собрался.

– Открывай, кому сказал! – взревел мародер.

– Да ну тебя, псих отмороженный... – Охранник капитулировал, развернулся к гермоворотам и принялся открывать их.

Нельсон с наслаждением слушал лязг гермозатвора и продолжал что-то шептать жене. Та не отвечала – лежала себе тихо-мирно на плече, запакованная в черный полиэтилен. Молодец она, умница. Послушная.

– Слушай, ты хоть далеко не отходи. Положи ее там, где остальные лежат, и возвращайся, – в последней попытке обр-азумить мужика обратился к нему дозорный. – Давай я даже закрывать за тобой не буду, понимаю, что фонит, но...

– Нет, девочка моя, не слушай его, я тебя не оставлю с трупами, – мародер будто не слышал. – Я знаю, где тебе будет лучше. Приходить буду, навещать. Конечно, конечно.

Постовой прошептал что-то про спекшиеся от радиации мозги, сплюнул в сторону, когда мародер, тяжело ступая в ботинках защитного костюма, прошел мимо него, но не выдержал и все же спросил:

– Нельсон, ты знаешь, что она мертвая?

– Конечно, знаю, – ответ прозвучал глухо, практически неслышно.

Здесь не было ее тела. Так же как не будет и его костей. Смешно было рассчитывать на смерть от болезни или, хуже того, от старости с его-то профессией. Нель давно дал себе слово, что, почувствовав приближение конца, он соберется и уйдет на поверхность. Как бродячие коты, которые, чуя смерть, уходят умирать прочь в неизвестность.

А он не пришел к ней. Ни разу. Несмотря на то, что обещал. Боялся. Не хотел видеть, что сделало с ее телом время за долгие пять лет. Обещал сохранить ее в своей памяти живой, но воспоминания поблекли и потускнели, как старые фотокарточки.

Инвалид не раз говорил ему отпустить ее. Но уж слишком тяжел был груз вины, тянувший мародера на дно.

– Так чего кости не уберете-то? – переспросил караванщик.

– А какой в этом смысл? – спросил Нельсон, усилием воли прогоняя лицо жены, вновь возникшее перед внутренним взором. – Лежат и не мешают. Даже не воняют, скорее всего. Двадцать лет прошло.

Нечему было вонять. Разорванная и истлевшая одежда покрывала собой обглоданные временем и зверьем кости. Там больше нечему было гнить.

– А вот в стекла вы зря светите, – заметил Нельсон, пере-

вода тему. – Кто бы там, в этих квартирах не спал – будить их не стоит, уж поверьте мне.

Он привычным движением вскинул руку, чтобы посмотреть на часы и приблизительно рассчитать, сколько времени займет переход до «Энергетика». Выходило, что если не задерживаться на «Куклах», то можно успеть до рассвета.

А это очень важно. Успеть до рассвета. Пожалуй, если бы мародер умел бы писать книги, то именно так он назвал бы свою. О жизни после конца света.

На появление людей на проспекте никто не отреагировал. За ними наблюдали, это было очевидно для Нельсона, но или считали их слишком опасными, либо, наоборот, добычей, не заслуживающей внимания.

А может, выжидали момента, чтобы напасть. Этот вариант тоже никак нельзя было списывать со счетов.

– Идем, – тихо, но так, чтобы каждый в команде услышал, приказал Ван.

Взаимодействия в команде были отработаны до автоматизма. Никому не приходилось кричать, указывая место в строю: хозяин каравана просто приказал, и бойцы тут же построились, образовав пятиугольник и прикрывая каждый свой сектор.

На острие был Тай. В броне из стальных листов и с пулеметом в руках он, видимо, играл роль буфера для мутантов, принимая на себя основной удар. Нельсон плелся в хвосте. Это было намного опаснее, чем идти в центре, но в любом

случае лучше, чем ходить одному.

Но он все равно предпочитал двигаться по городу в одиночку. С одной стороны – да, прикрывать тебя некому. Но ведь и тебе не надо отвлекаться на то, чтобы прикрывать кого-то.

Да и любил он это состояние. Не расслабляешься, считаешь только на себя, все резервы организма мобилизованы, все силы направлены на то, чтобы сохранять бдительность...

Нельсон продолжал механически перебирать ногами, следя только за тем, чтобы не отстать от спутников. Невольно расслабившись, стал задумываться.

А ведь ничем для него переход не отличался от поверхности. Тяжелые свинцовые облака были бетонным потолком, редкие звезды – тусклыми светодиодными лампами. Правда, в переходе никто не пытался его съесть, но это только потому, что он был если не самой большой, то уж точно самой злой и голодной акулой.

Зато после смерти Нельсона падальщики будут радостно пировать. Или наоборот – передерутся за его наследство.

Когда отряд свернул на проспект Вахитова, Нель вынырнул из пучин своих мыслей и дотронулся пальцем в прорезиненной перчатке до стекла противогазной маски. Пленки, препятствующие запотеванию, давным-давно закончились, поэтому перед каждым выходом на поверхность мародер тщательно натирал стекла вонючим хозяйственным мы-

лом. Дедовский способ работал.

Тай громко выругался, когда асфальт, поддавшись под его весом, провалился. С трудом вытащив из образовавшейся ямы ногу, он двинулся дальше, стараясь ступать как можно мягче. Получалось не очень. Просто конструкция костюма Железного Дровосека не давала такой возможности – как бы ты ни старался идти тихо, все равно будешь топать и громы-хвать сочленениями, шумя, как трамвай на полном ходу.

Ван принялся ругать бойца за шум. Здоровяк смущенно пытался оправдаться, продолжая голосить: похоже, тише он говорить банально не мог. Остальные бойцы в перепалке не участвовали, привычно оглядывая улицу. Видимо, такое бывало нередко.

Только как же они вообще выживают в таком случае?

Голову пронзила резкая боль, в глазах потемнело. Мародер качнулся в сторону, но, удержав равновесие, остался на ногах. Откуда-то издали послышался звук, напоминавший лай собак.

Нель попытался вслушаться, пропуская мимо ушей все, что орал караванщик. Действительно, лай на несколько собачьих глоток. Более того, он постепенно становился громче, приближаясь. Что могло означать только одно.

– Заткнулись, оба! – рявкнул мародер, поймав на себе удивленные взгляды всех пятерых спутников. Снова вслушался – узнать, не напутал ли он чего в вое двух луженых глоток. Лай повторился.

– В чем дело, военный? – попытался встрять Ван. – Ты не в армии, тут я командую.

Первым порывом Нельсона было дать в морду зарвавшегося торгашу, но он сумел удержать себя в руках. Быстрым движением перевел автомат в режим огня очередями и двинулся к ближайшей подъездной двери, чувствуя сквозь резиновую комбинеzona недоуменные взгляды на своей спине. Ладно, хоть не целился никто.

– Прислушайся, если не понял еще, – не оборачиваясь, бросил он. – Пацаны, кому жить не надоело, давайте за мной.

– Военный, ты охренел? – снова спросил караванщик. – Это мои люди, и они пойдут туда, куда я.

Голову снова прострелило болью. Мародер отчаялся докричаться до торгашей.

– Ну, как хотите, – произнес Нельсон, обращаясь то ли к своим спутникам, то ли сам к себе. Он рванул на себя тяжелую металлическую дверь подъезда.

Сделав первый шаг в теплое и сырое нутро подъезда, Нель услышал за своей спиной шаги. Как ни странно, первым, кто поспешил за мародером, был здоровяк Тай. За ним последовали и остальные.

Нельсон вошел в подъезд, освещая дорогу подствольным тактическим фонарем, проверил пол на предмет костей или звериного помета, осмотрел потолок в поисках лиан и мха. Подъезд был чистым. Подозрительно чистым. Нет, конечно, здесь лежал толстый слой пыли, как и везде, но на нее маро-

дер давно научился не обращать внимания.

Главное – не проморгать следы в этой пыли.

Лестница была крепкой, без трещин. Нель побежал по ней вверх, проверяя двери. Тяжёлые, металлические – тут жили богатые люди, которым было что скрывать и чего опасаться. Одна из дверей на третьем этаже была открыта, но мародер просто захлопнул ее на ходу.

Площадка между третьим и вторым была признана ненадежной, поэтому Нель поднялся на площадку между третьим и четвертым. Бойцы из охраны каравана двигались за ним шаг в шаг; Ван наверняка был недоволен этим, но решил промолчать, капитулировав перед мнением большинства.

– Ты! – приказал Нель, указывая на одного из караванщиков. – Занимаешь этаж выше! Второй, этаж ниже! Тай, ты самый тяжелый. Иди вниз, попытайся заблокировать дверь. Не знаю как, упрись там. Ван, иди сюда.

Сам он присел возле окна, выходящего на проспект, рукой в перчатке аккуратно стер покрывающий его слой пыли. Ван устроился рядом, очистив для себя поле зрения таким же образом. А через секунду караванщик вытаращил глаза, глядя на то, что происходило на улице.

Улицу затопили тела, покрытые шерстью разных цветов: черные, рыжие с подпалинами, коричневые, белые альбиносы. Лай, рычание, вой – даже спасаясь от неизвестной опасности, твари умудрялись продолжать грызться. Еще бы. Здесь была не одна стая...

– Что же это такое... – прошептал караванщик.

– Собаки, сам будто не видишь, – ответил ему Нельсон. – Здесь минимум три стаи. Если не четыре.

Они больше не были похожи на тех псов, что жили в квартирах и клянчили еду со столов. Они стали слишком крупными даже для тех пород, которые были выведены людьми, чтобы драться между собой на потеху зрителям.

Им не хватало еды, но останки бывших хозяев планеты, умирающих от радиации и вирусов, стали прекрасной пищей. Оттого и кости все растащены. Оттого и трупов не так много, как могло быть: часть из них псы волокли во дворы, чтобы вскормить сладким человеческим мясом молодняк.

– Да я вижу, что это собаки, – нервно ответил Ван. – Почему они убегают? Кто их спугнул?

– Ну, видимо, сейчас мы увидим и это. – Нель привычным жестом пожал плечами, чувствуя, как по спине течет пот.

– Может, гон? – спросил Ван, заглянув в глаза мародера. Собаки уже миновали их поле зрения, и проспект снова стал таким же пустым, как до их нашествия. – Такое же бывает на поверхности?

Бывало. Два раза в год, по весне и по осени твари сходили с ума и начинали хаотично перемещаться по городу. От мародеров, которым не хватило мозгов убраться с дороги тварей, не оставалось ничего – любовная горячка не мешала мутантам подкрепляться прямо на ходу.

Но это был не гон.

Лай затих. Послышался новый звук, как будто снег приминается под чьими-то ногами.

Только снега ведь нигде не было.

Это хрустел асфальт.

Огромный, размером с вагон поезда бледно-красный червь полз по проспекту, оставляя после себя канаву метра в три шириной, мгновенно заполняющуюся зеленоватой слизью, слегка светившейся в темноте. Несмотря на темноту и расстояние, Нель мог разглядеть, как под слоем кутикулы перекатывались мышцы.

– Что это такое? – снова задал вопрос мародеру караванщик.

О чем-то подобном Нельсон уже слышал. О канавах и ходах, которые видели другие мародеры. Одни говорили, что это кроты-мутанты, другие – что огромный земляной червь. Судя по всему, сторонники второй гипотезы были правы.

Один черт, расскажешь кому – не поверят. Скажут, надышался спорами какими-нибудь в подъезде и торкнуло. Мародер даже на всякий случай ощупал руками противогаз, проверяя его на герметичность.

– Откуда мне знать? – ответил он. Потом мародер задумался. Странно, что караванщик ничего не знает. Все-таки слухи – это товар не хуже любого другого. – Ну, вернее, есть у меня идея.

– Что за идея?

– Ну, вот город, который сейчас на поверхности, – это все-

го лишь труп настоящего Автограда. А эта дрянь – могильный червь, – принялся объяснять свою точку зрения Нель, и не было понятно, говорит он серьезно или шутит. – Ну, или еще одна идея. Если считать город же живым, но мутировавшим, то это гигантский паразит. Глист.

– Да ну тебя, философ, – махнул рукой караванщик, но вспомнив, в каком положении оказался, отказавшись слушать Нельсона, спросил: – Дальше идем?

– Идем, тем же порядком, только лучше дворами, – был ответ. – Не нравится мне канава эта...

Снизу послышался звук удара: будто кто-то всем телом обрушился на дверь в попытке выбить ее.

– Мать твою! – заорал охранник, отправленный мароде-ром на второй этаж.

Глава 4

Неутраченная надежда

На спуск с лестницы ушли секунды.

Ломились как раз в ту дверь, которую мародер захлопнул, поднимаясь. Неудивительно, что в парадном не было ни крыс, ни тараканов. И что самое главное – никаких следов того, что они здесь когда-то жили.

Дождаться, пока неизвестная тварь выбьет дверь, не стали. В том, что ей это удастся, мародер не сомневался – в стороны от дверного короба уже ползли трещины, и знакомиться с мутантом, способным выбить крепкую железную дверь, Нельсон не захотел.

И они сбежали. Нельзя сказать, что с позором. Вряд ли можно говорить о чем-то позорном сейчас, когда старые моральные ценности рухнули, а новых не завезли.

До входа на «Театр кукол» оставалось только пересечь двор, что им беспрепятственно удалось. Видимо, все, кому хватило бы смелости напасть на такую большую группу, ретировались в страхе то ли перед собаками, то ли перед червем.

Ван сказал пару слов охраннику, появившемуся на секунду в окошке, через тягостные полминуты ожидания гермозатор открылся, и створки распахнулись перед гостями изу-

мрудного города из старых сказок.

«Театр кукол» был особенным переходом. Он не был похож на остальные.

По своей конструкции это была точно такая же прямая бетонная кишка, как остальные переходы. Но это не важно. А дело в том, где он расположен.

Например, родной для мародера «Домостроителей» – окраина, спальный район. Угрюмое место, где власть военных крепка, а караван приходит раз в две недели. Каждый из его обитателей знает, с какой стороны братья за оружие и куда его лучше всего направить. Постоянные тренировки, учебные стрельбы. Стоит вспомнить, сколько самого мародера учили тактике, умению находить укрытия на местности, нестандартным приемам.

А вот «Театр кукол» – совсем другое. Географический центр города. Все торговые пути сходятся здесь, поэтому это даже не переход, а один большой рынок. Кроме того, через подземные коммуникации он соединен с соседним переходом «Молодежной», находящимся всего в сотне метров.

Правда, если «Театр кукол» это один большой рынок, куда пускают всех подряд, тщательно проверяя содержимое рюкзаков, то «Молодежная» – одна большая лаборатория, куда не пускают вообще никого. Исключительно во избежание нарушений технологического процесса.

Нельсон протянул руку к лицу, вывинтил фильтрующую коробку и свободной рукой стащил с лица маску. Закрыв

глаза, глубоко вдыхая воздух, пропитанный запахом готовящейся пищи, невымытых человеческих тел, оружейного масла. Запахом жизни.

Говорят, раньше люди выбирали себе пару по аромату, а женщины обманывали мужчин, используя духи. Теперь, наверное, сложно будет такое провернуть: как ты ни пытайся надушиться, за тобой будет тянуться шлейф из твоего настоящего запаха. И не всегда этот запах приятен.

– Дядь, дай фильтр, – пропищал мальчишка лет пяти на вид, стоявший возле блокпоста почему-то на одной ноге.

Нель протянул ему коробку, тот вцепился в нее обеими руками и, радостно вереща, побежал куда-то в сторону, не дав возможности задать вопрос, зачем вообще ребенку понадобился фильтр. Тем более использованный.

– А тебе в постель не пора, малец? – только и успел пробормотать вдогонку Нель, не получив на свой вопрос ответа.

– Дома... – еле слышно пробормотал за его спиной хозяин каравана, будто хотел, чтобы никто не услышал. И в словах его мародер услышал знакомые интонации.

Мародер чувствовал себя примерно так же, когда спускался в переход на «Домостроителей» после выхода на поверхность. В этом не было ничего удивительного, за двадцать лет бетонная кишка перехода стала для него домом.

Нель стащил со спины рюкзак и поставил перед одним из дозорных. Тот, сжимая в руке фонарь, принялся копаться в вещах мародера. Внимание Нельсона привлекли плотные

хозяйственные резиновые перчатки, которыми пользовался охранник.

– Так, давайте барахло на склад, костюмы на санобработку и в бар... – проговорил Ван, энергично трясая головой, и добавил: – Душа горит. Военный, ты с нами?

Нельсон поднял руку, посмотрев на часы. Повод для отказа можно было даже не искать – солнце встает не так уж и поздно, а идти ему еще далеко. Да и нужно поговорить с Альбертом, обсудить ситуацию.

Альберт был интересной личностью. Неоднозначной. Но Нельсон был уверен, что этот человек, делец до мозга костей, расскажет гораздо больше о его задаче, чем полковник. Тот все еще подчиняется приказам и подпискам, которые давал чертову тучу лет назад.

– Не получится, наверное, – покачал головой мародер. – Времени чуть осталось, торопиться надо.

– Слушай, да у тебя еще часов шесть есть, – принялся убеждать Ван. – Когда еще в нормальном баре посидишь?

– Давай с нами, военный! – Тай махнул рукой, попытавшись похлопать мародера по плечу, но тот вовремя отшатнулся. Но парня это ничуть не смутило, а прежние обиды он, судя по всему, давным-давно забыл.

Бар здесь действительно был. Только охрана там была вооружена боевым оружием, а алкоголь крепко разбавлен водой. Ну и в придачу ко всему армянские трехзвездочные коньяки шли там по цене какого-нибудь «Хэннесси» в дово-

енное время. Хотя Нель тогда коньяки не пил, предпочитая вкусный и полезный виски.

– Да ты через весь город часа за три пройдешь... – продолжал уговоры караванщик. – Дай нам тебя отблагодарить за спасение. Не обижай народ!

– Куда можно пока что «химзу» положить? – Нель решил ненадолго остаться с караванщиками. В конце концов, они много знают и многое могут рассказать. – Чтобы не дожидаться потом, пока мне ее вернут.

– Да к нам на склад и закинешь, – великодушно предложил караванщик. – Как пойдешь наверх – заберешь. Тебе же сначала к коменданту нужно?

– Вообще, да... Но неохота мне к начальникам идти.

Караванщики загудели, мол, военный – наш человек, все понимаем, заставив мародера усмехнуться. Они-то не понимали, что никаким военным мародер не являлся, всегда работая только на себя.

– Ладно, – обреченно махнул рукой Нельсон. – Только я платить не собираюсь, если что.

Заверив, что угостят, караванщики провели мародера на склад – одно из многочисленных подсобных помещений перехода, то ли выделенное комендантом, то ли взятое Ваном в аренду.

Нельсон быстро избавился от брони и костюма химзащиты, оставшись только в джинсах да свитере, привычно надел на руку дедовские часы, а на пояс кобуру с «макаровым».

Караванщики продолжали разбирать наменянное барахло, Ван командовал, что и куда класть, выкрикивая приказы во всю глотку, мужики весело переругивались, подсчитывая вырученные патроны. Среди наменянных вещей мародер успел отметить несколько превосходных автоматов, три травматических пистолета, годящихся разве что на то, чтобы детей учить стрелять, и две электробритвы со следами ремонта. Видимо, дело рук инвалида и его воспитанников.

В затылке снова закололо. Решив, что причиной этому является шум, мародер медленно вышел из помещения и прислонился лбом с холодной стене. Повернулся в сторону, уставился в коридор, ведущий куда-то в темноту. Стена нагрелась.

Нель оглянулся, убедившись, что никто его не видит, и двинулся в темноту.

Буквально через пять шагов темень сгущалась настолько, что не было видно пальцев вытянутой руки. Он повел рукой по стене, считая двери, мимо которых прошел.

Три, четыре, пять... Металлические створки через примерно равные промежутки. Сколько тут вообще понастроено?

– Военный! – раздался голос караванщика.

Эхо, отдаваясь от бетонных стен, затихло где-то в отдалении. Сколько в нем метров?

Нель в несколько огромных шагов преодолел расстояние до двери склада и как ни в чем не бывало вышел из темноты.

– Чего это ты там делал? – подозрительно прищурившись, спросил Ван у мародера.

Только сейчас он смог толком разглядеть его. Лысый, низкий и довольно полный мужичок с жидкой бородой. На хозяина каравана не похож, на китайца, в принципе, тоже. И чего ему погнало такое прилепили?

– Да ничего, – невозмутимо пожав плечами, ответил Нель. – Просто в темноте стоял. Голова болит от шума, если честно.

– Ничего, сейчас дернем по кружке крепкого, и голова тут же пройдет. У самого такое бывает. – Караванщик попытался хлопнуть Неля по плечу, но тот привычно уклонился. Он не терпел панибратства.

Ван повернулся к дверям склада, и Нель наконец разглядел, что большая часть левого уха караванщика отсутствует. Оторвали в драке или сам отрезал в помутнении рассудка, как легендарный художник?

Теперь он, по крайней мере, понимал, в честь кого называли торговца.

Из склада, пригнувшись, чтобы не удариться головой, вышел Тай. Внешность его полностью соответствовала ожиданиям мародера: румяный, высокий, косая сажень в плечах. И лет семнадцать на вид, больше не дашь, даже борода не растет.

И как его вырастили таким, если после Войны родился? Мутант, что ли?

Бар на «Театре кукол» был размещен в подсобке, но в отличие от склада, принадлежавшего Вану, в ней было нормальное освещение. Хозяева симпровизировали, подключив к электросети и развесив по помещению несколько китайских новогодних гирлянд, из-за чего по углам комната была погружена в уютный полумрак, а лампочки весело перемигивались под потолком.

Зато в помещении было жутко накурено. Вентиляция не справлялась.

– Тут хоть противогаз надевай, честное слово. – Мародер закашлялся, почесав бритую голову. Он успел отвыкнуть от запаха табака: на «Домостроителей» курить можно было только в самой дальней подсобке. Берегли здоровье.

Да и мало кто там курил – все же дорогое удовольствие эти довоенные сигареты. А курить завернутый в бумагу мох...

А здесь все ясно: если человеку хватает средств, чтобы сидеть в барах, то и на пару пачек сигарет в неделю хватит.

– Кстати, насчет противогазов... – проговорил мародер, отвлекшись от своих мыслей. – Тут ребенок у меня фильтр выпросил. Зачем он ему вообще?

– Фильтр? – рассеянно спросил караванщик, взяв со стола лист с меню, приклеенный для пушей сохранности к толстому куску картона, помотал головой. – А, так все просто же. На «молодежке» их собирают для очистки. Можно сменять на еду. Можно на патроны. Вроде раньше пять «пятерок» давали, мы свои не выбрасываем даже.

Вот так, кому-то в голову пришла идея наладить схему закупки использованных фильтров по цене легкого обеда. Не в этом баре, конечно, а если самому готовить. Тем более новые коробки идут по двадцатке за штуку, а на эти деньги можно существовать целую неделю, впроголодь, конечно, но существовать.

Хотя проще сменять фильтр на какой-нибудь притащенный с поверхности свитер, или куртку, или на пачку макарон, если не испортили их крысы.

Все просто: у кого-то есть фильтры, но он боится идти вверх.

По разным причинам боится: мутантов, болезней, грабителей. Боится от радиации потерять пару-тройку участков хромосом, остаться бесплодным, или заработать лейкоз, который не то что лечить – диагностировать не получится.

А у других людей нет фильтров. Но и страха тоже нет. Экономика Безвременья в действии.

– Что будешь, военный? – спросил караванщик у задумавшегося Нельсона.

Нель знал, из чего делают местный спирт. Закупают везде, где можно, отходы растениеводства, смешивают с закваской, настаивают, перегоняют. Здесь еще нормально, в некоторых местах из дерьма человеческого гонят. И пьют.

Вроде бы мир рухнул, а пить меньше не стали.

– Я бы чего-нибудь полегче, – неуверенно проговорил Нель. – Мне еще вверх идти. Это вы тут можете отдыхать,

расслабляться.

– Как скажешь. – Караванщик пожал плечами, повернулся к одному из своих бойцов и потыкал пальцем с толстым черным ногтем в листок. – Вот этого, этого и еще вот этого. На всех. И быстрее.

Нель откинулся в кресле, пытаясь расслабиться, и огляделся вокруг. Когда-то он любил бары. Особенно один, совсем рядом с тем местом, где он жил. Уютно там было все, как-то по-свойски, будто не просто бар, а семья. Можно было придти за полночь и влиться в любую компанию, и проговорить до утра.

Здесь же кроме караванщиков не было никого: ночь, люди спят. Нет у них времени по барам сидеть: чтобы было, что есть, надо работать. Да и дорого здесь. Столько, сколько Ван с товарищами сегодня оставит, небольшой семье на неделю хватит.

А в переходе спят все уже, только продавцы, они же по совместительству и хозяева лавок, тихо сидят возле своего товара. Ждут, что кто-нибудь придет.

Стоит появиться потенциальному покупателю, открывается вся суть «Театра кукол». Торговцы кричат, зазывая к себе покупателя, обещая скидки, нахваливая свой товар и изо всех сил ругая соседский.

Вечная ярмарка.

Хотя вряд ли она будет вечна, как бы ни хорохорились люди, которые ее устроили.

Принесли поднос с заказанной выпивкой. Ван встал, взяв в руку одну из кружек с мутной жидкостью.

– Мы вернулись, мужики, – тихо сказал хозяин каравана. – Вы знаете традиции. Знаете, за что пьем первую.

– За тех, кто не вернулся, – хором ответили бойцы.

А мародер всегда думал, что за мертвых пьют не чокаясь.

Кружки столкнулись вместе, Нель запоздалым движением протянул к ним свою, с силой ударив ею об остальные, дернул ее ко рту и сделал глоток.

Ядреная жидкость полилась по глотке в пищевод, пары ударили в нос, выбивая слезу, а в животе взорвалась бомба. Мазнув взглядом по столу в поисках закуски, Нель не нашел ничего, кроме тарелки с жареными сосисками. Он отказался есть их у Ильи, но сейчас пришлось поступиться принципами: во рту нестерпимо жгло, вкус сивуха имела премерзкий и нужно было хоть чем-то перебить его.

Мужики замолчали, видимо, думая о том, кто не вернулся. Один из них взялся за бутылку и принялся разливать спирт по кружкам.

– Просил же полегче, – укоризненно проговорил мародер, чувствуя, как в голове разжимается пружина, а боль постепенно уходит.

– Это еще ничего, выветрится быстро, – ответил Ван, отвлекшись от своих мыслей. – Это лучше, чем местная брага. Вот она мозг выносит напрочь, и похмелье с нее жуткое. По первости бывает. Сейчас накатим еще, и легче станет.

Мужики взялись за вновь наполненные кружки.

– А теперь – за жизнь. За то, что держимся, за то, что не сдаемся. Я уверен, мы на планете не единственные. Земля большая, на все города бомб у них не хватит. – Ван на секунду остановился перевести дух, и продолжил: – И за нас с вами, мужики. Мы с вами таскаем товары, жрачку и патроны по убежищам, как сердце кровь по органам гонит. Мы с вами, мужики... Короче, за нас.

Они снова чокнулись, мародер нарочито проигнорировал их, отправив алкоголь в желудок, и попытался встать, опершись обеими ладонями о стол. Клеенка была липкой. Видимо, не так уж часто здесь убирались.

– Ты куда, военный? – спросил Ван, от удивления даже забыв в сжатом в ладони стакане.

Нель внезапно почувствовал, что его несет. Боль в голове исчезла, сменившись ощущением необыкновенной легкости.

«Этот год был тяжелым, но всех нас ждет счастливое будущее, и мы победим».

Зачем нужны все эти пафосные фразы, как в новогоднем обращении президента? Каждый год лидеры мировых держав говорили с экранов телевизоров одно и то же. Есть у кого-нибудь сейчас счастливое будущее? Нель был абсолютно уверен, что нет.

– Ты говоришь так, будто тебе нравится то, что сейчас происходит, – проговорил он, с трудом оторвав взгляд от

своих ладоней.

Караванщик встретился взглядом с мародером и почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Такой взгляд просто не мог принадлежать человеку.

– Ты можешь назвать все, что происходит вокруг, жизнью? – зло продолжал Нельсон. – Тебе это нравится? Конкретно то, что люди сами себя загнали под землю? И это... Существование...

– Военный... – На лице торговца было одновременно удивление и страх. – Ты чего, перебрал? Ты чего не сказал, что тебе пить нельзя-то?

– Это не жизнь! – категорично заорал Нельсон и врезал ладонью по столешнице так, что его пустая кружка подпрыгнула. – Не жизнь! Люди не должны так жить, понимаете? У кого из вас есть дети? У кого из ваших знакомых есть дети? Самые сильные люди нашего поколения бесплодны, они отправляются на поверхность, чтобы обеспечить хоть какое-то подобие жизни остальным. Тем, кто предпочел отсидеться за их спинами. Ведь никто из вас не считает, что у него будут дети? Что у него будут здоровые дети?

Бойцы слушали слова мародера и понимали, какими бы они страшными ни были, они правдивы. Самая настоящая реальность.

– И... – Он на мгновение остановился, перевести дух, мотнул головой, отгоняя приступ боли, о которой уже успел забыть, и продолжил: – Мы вырождаемся. Просидите вы здесь

сто лет – и что? Даже если фон станет ниже, к тому времени люди разучатся жить на поверхности.

– Но ведь мы живем, – неуверенно проговорил один из караванщиков. – Живем...

– Ты должен помнить, что такое настоящая жизнь. – Нель злобно прищурился, он буквально выплевывал слова. – Даже если тебе тогда было пять лет, должен помнить. Ее тогда считали чем-то самым собой разумеющимся. У нас было все, что нужно для жизни: чистая вода, воздух, еда, небо над головой и люди вокруг. А мы этого абсолютно не ценили. Хотели все больше и большего. Подняться, проползти наверх, подсидеть коллегу, нагрузить подчиненных. Чтобы выставиться перед начальством и получить еще подачку, мечтая, что когда-нибудь наше положение будет выше, чем их... Желая затоптать, отыгаться.

– Но это же политики все. – Слова охранников звучали, будто парни оправдывались перед мародером за что-то. – Это они развязали войну.

– Политиков выбирает народ. Так или иначе. И я сейчас не об избирательных компаниях и обещаниях, о которых потом все благополучно забывали. Вспомни вече после победы над поляками в начале семнадцатого века. Или даже когда Рюрика на княжение призвали. Хотя ты даже не помнишь этого, вам не нужна история. – Мародер выпрямился, брезгливо вытерев ставшие липкими пальцы о брюки. – Не надо вести себя как дети. Не надо придумывать сладкие сказки.

Не надо переключать ответственность на других. Мы заслужили это, нам и страдать. – Он помотал головой из стороны в сторону, снова посмотрел на часы. – Через полчаса возле склада, Ван. Я только что понял, что у меня времени не то что мало – его нет совсем.

Он развернулся и двинулся к выходу из бара. Едва он скрылся в дверном проеме, охранники каравана принялись обсуждать «тараканов в голове у этого долбанутого военного».

Один Ван молчал. Он-то был гораздо старше своих подопечных и все понял. Мародер не хотел ни с кем ругаться, он просто пытался высказать свою точку зрения на все происходящее, как бы горько ни было ему это признать.

Человечество погружено в летаргический сон, оплакано, отпето, похоронено. Очнувшись, оно сходит с ума, пытаясь разбить стенки тесного гроба, а кислород тем временем заканчивается.

Только сам Ван его точки зрения не разделял. Даже если человечество похоронено заживо, оно еще способно выбраться из могилы. Если будет рыть землю, жрать ее, то рано или поздно вырвется на воздух.

Вот и вся разница.

* * *

«Ты же сделаешь это, да, сержант?» – прозвучал у Неля в

голове голос полковника.

Старый дурак, непонятно на что рассчитывавший. Как будто у мародера был вариант отказаться от самоубийственного путешествия. Если уж парни из «Булата» не дошли...

Но «Театр кукол» был первой остановкой в маршруте пропавшей разведгруппы. Значит, местный комендант должен что-то о них знать. Вот будет умора, если парни даже здесь не появлялись.

Хотя нет. Это будет совершенно не смешно.

У местного коменданта мародер бывал, и не раз. Периодически ему приходилось выполнять его мелкие поручения. Платили хорошо, с лихвой покрывая риск загнуться во время этой работы.

Мародер двигался по переходу, лениво скользя взглядом по выставленным на продажу товарам. Большая часть лавок работала круглосуточно: продавцы посменно меняли друг друга. Чаще всего они по совместительству были и хозяевами торговых точек. Вряд ли у кого-то дела шли настолько хорошо, чтобы можно было позволить себе держать наемного продавца.

– Мужик, ружье продам, итальянское, «Бенелли», недорого совсем, – с какой-то безнадегой в голосе окликнул мародера один из торговцев.

– Знаем мы твое «Бенелли», в Ижевске его собирали, – огрызнулся кто-то с противоположного ряда. – Иди сюда лучше, парень, у меня АЕК есть, из Коврова. Такой на весь

город один всего.

– Мародер, купи противогаз, – послышался третий голос. – Стекло целое, ни одной трещинки! Три фильтра дам, бесплатно.

Нельсон не реагировал на сыпавшиеся со всех сторон предложения. Зачем ему что-то новое, если старое работает и вполне устраивает? Панорамный противогаз? Чтобы каждая собака в городе его узнать могла?

Возле входа в кабинет Альберта – местного коменданта – толпились трое. Высокие, одного роста с мародером, но в плечах раза в полтора шире, как на подбор. Головы выбриты начисто, сами с густыми бородами и обсуждают что-то на нерусском языке.

Узнать несложно. Исламисты из «Халифата». Те самые, против кого объединялась Конфедерация, те самые, что угрожали развязать войну против всех остальных.

Да, чего уж преуменьшать, уже развязали. Только вот почему их прислали сюда, в непризнанную столицу Конфедерации?

– И главному своему скажи, чтобы к чертям провалился со своим аульным мышлением! – раздался знакомый голос, полный холодной ярости. Доносился он из приоткрытой двери кабинета Альберта и наверняка был слышен даже в противоположном конце перехода.

Только вот комендант «Кукол» всегда был подчеркнуто вежлив и элегантен. Даже одевался он не в заношенные сви-

тера или камуфляж, как остальные, а в деловой костюм. Более того, носил зажим для галстука. И запонки.

Так чего же он ревет, как раненый волколак?

– Пожалеешь еще, кяфир, – злобно прорычал себе под нос бородач, вылетая из кабинета коменданта как ядро из пушки.

Он толкнул мародера плечом, да так, что мужчина слегка пошатнулся. Оставить такое без ответа Нельсон не мог.

– Вести себя научись, обезьяна, – выплюнут исламисту вслед Нель, слегка повернув голову.

Яркий кавказский акцент выдавал в том обитателя «Ак мечети». Контингент там набрался соответствующий названию, хотя сначала все было более-менее мирно. Народ притих, как и везде. Депрессии, самоубийства. Самоубийств разве что было поменьше, чем в остальных местах.

А вот как стало понятно, что государство разрушено и что никакой эвакуации не будет, так началось.

Начальство военное пинками выгнали на поверхность, после чего дали несколько очередей в спину. Остальным дали выбор, правда, тоже в итоге расстреляли большинство.

Рассказывал это один из солдат, которому удалось сбежать. Сделал вид, что полностью лоялен, молитвы какие-то повторял за ними, как заклинания, кланялся, а потом часовому ножом по горлу и на поверхность. Добрался до «Театра кукол», потом перебрался на «Райисполком». Там и живет сейчас вроде как.

Ну и потом началось у них, что, мол, война та в Коране предсказана и вот-вот Иса спустится с небес, разобьет кресты и начнется эра благоденствия. Только нужно подготовить почву для этого и очистить город от остатков неверных, установив в нем царство шариата – халифат.

И стоило новому руководству провозгласить об этом, как к «Ак мечети» потянулись переселенцы всех мастей, начиная с иммигрантов-гастарбайтеров и заканчивая радикальными татарскими националистами. Ну, а дальше – больше. Постепенно, агитацией и посулами подмяли под себя еще два перехода: «Форт-Диалог» и «Тимирязевский проезд». Ну и провозгласили объединение, назвавшись «Халифатом». Халифа объявили пророком и так и жили.

В остальных переходах, принадлежавших Халифату, жили в основном узбеки и татары. Они особым религиозным рвением не отличались, но оно успешно заменялось жадой жить лучше, чем остальные.

И плохими их считал мародер вполне заслуженно. Но не потому, что они мусульмане – с мусульманами ему приходилось общаться и до Катастрофы, и после, и это были вполне нормальные люди. Верхушка Халифата плоха тем, что засрала мозги пяти сотням человек, натравила их на остальных выживших, а теперь пожинала плоды.

Хотя кто таким не грешил? Не сейчас, до Войны. Натравили американцев на русских, русских на американцев, китайцев на всех подряд.

Нормальный политический метод.

Фактически Конфедерация находилась с ними в состоянии затяжной «холодной войны». Хотя холодной ее назвать можно было только с большой натяжкой: доходило и до открытых боевых столкновений, и не раз. Особенно если учесть, что ограбить неверного для исламистов ничем зазорным не было.

Вот и сейчас вполне могла пролиться кровь.

– Что ты сказал? – Бородач развернулся и вальяжной походкой сделал шаг в сторону мародера, поднимая руку, чтобы схватить его за плечо. – Ты это мне сказал, нет?

Разумеется, звучало это не так. Разобрать плохой русский получалось с трудом. Нель напряг одновременно все мышцы и тут же полностью расслабился, понимая, что сейчас будет.

Едва пальцы моджахеда коснулись свитера мародера, как его рука тут же оказалась в жестком захвате и была вывернута назад. Секунду спустя в его бритый затылок уткнулось что-то холодное.

Постоянно таскать с собой автомат Нельсон не считал нужным, но безоружным оставаться не мог.

Пистолет Макарова, наверное, самое распространенное оружие в Челнах. И в отношении него мародер был полностью согласен с теми, кто утверждал эту машинку как табельное оружие для полиции. Надежный, неплохие боевые качества – что еще нужно?

– Успокойся, – прошипел Нель бородачу на ухо, слегка

прижав спусковой крючок. Нажми чуть сильнее, и пуля выплеснет мозги невоспитанного быка на бетонную стену. – Выстрелю – стены отмывать замучаются. Ты меня первым толкнул.

Тот ничего не ответил. Удивительное ощущение, когда чувствуешь приставленный к затылку ствол пистолета. Ни с чем его не спутаешь, тело будто чувствует притаившуюся в канале ствола смерть.

Воины ислама обратили внимание на происходящее. Один из них вскинул автомат, взяв Нельсона на мушку. Мародер с силой ударил своего пленника пистолетом по голове и прижал к себе, прикрываясь им, как живым щитом.

Металл пистолетной рукоятки рассек кожу на бритой голове, по ней тонкой струйкой побежала кровь. Сильный и уверенный в себе исламист превратился в дрожащую тварь, задргался, пытаясь вырваться из мертвой хватки мародера, и получил еще один удар, на этот раз коленом в почку.

– Стволы на землю, быстро! – заорал Нель, перекрикивая визжащего бородача. Орал он как можно громче, чтобы было слышно и в кабинете – ситуация складывалась не в его пользу, и если кто-нибудь не вмешается, ему конец. – Быстро, пока я ему мозги не вышиб!

Исламисты растерянно оглядывались, не понимая, что делать. Выполнять приказы мародера им не позволяла гордость, а наказать зарвавшегося кяфира, не навредив при этом главарю, не было никакой возможности.

Промедление стоило им единственной возможности переломить ситуацию в свою пользу. Мгновение спустя компания была окружена охраной перехода – уверенными в себе и вооруженными до зубов парнями в военной форме.

– Оружие на пол, – повторил приказ мародера старший из бойцов. Старший по званию, о чем красноречиво сообщали погоны с лейтенантскими звездами. Поняли, что что-то происходит не то. Непонятно только, чего они вообще у исламистов оружие не отобрали.

А вот из продавцов на заваруху никто не отреагировал. Привычный народ. Логика у них простая: мало ли, вдруг это случайно разыгрывают, чтобы под шумок товар с прилавка дернуть.

Внезапно дверь кабинета настежь распахнулась и из дверного проема появилось новое действующее лицо. Лицо, раскрасневшееся от бешенства. Верхняя пуговица рубашки растегнута, галстук съехал куда-то в сторону. Вот и хозяин этой берлоги – Альберт.

В этом переходе коменданта выбирали открытым голосованием, прямо как в довоенные времена. Правда, теперь, если избранный кандидат не выполнял предвыборных обещаний, импичмент выписывался гораздо проще. По-пиратски. «Слезай с бочки, Сильвер!»

Но Альберт на этом посту уже пятнадцать лет, и не было похоже, что собирается покидать его в ближайшее время. Да и выглядел он никак не на свой реальный возраст: видимо,

важность занимаемого поста и огромные по меркам мародера доходы сказывались.

– Что? – заревел он, вращая глазами, и показал пальцем на исламистов. – Стволы тут? У меня в переходе? Лейтенант! Вышвырнуть этих на поверхность. – Взгляд его переместился на мародера по-прежнему державшего главаря исламистов в захвате, в нем мелькнула тень узнавания. – Ты, Нельсон, иди сюда. Разговор есть.

Мародер выпустил воина ислама и сделал шаг назад, убивая пистолет в кобуру, но не успел: воздух упругой волной толкнул его в лицо, и он с трудом перехватил руку бородача, попытавшегося вероломно ударить Неля в челюсть, отомстив таким образом за причиненное унижение.

Хрустнул сломанный палец, мужчина издал вой, быстро перешедший в визг, и упал на колени, прижимая к себе правую руку. Его подчиненные попытались снова схватиться за оружие, но нацеленные на них стволы охраны остудили жажду мести.

Охранники стали теснить моджахедов в сторону гермоворот, исламистам не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться: под дулом автомата особо не забалуешь.

Мародер повернулся к Альберту. Тот вытирал тыльной стороной ладони пот с покрасневшегося лба, продолжая ругаться.

– Уел, – произнес он, вставив следом нецензурное выражение. – Слов нет, уел. Что халиф их, что порядки идиот-

ские.

– А чего они пришли вообще? – осторожно спросил Нель. Он никогда не видел коменданта в таком состоянии. – О чем поговорить хотели?

– Сейчас, погоди, не здесь. – Комендант повернулся в сторону дверного проема, движением руки поманив за собой мародера. – Заходи быстрее, садись.

Как только Нельсон вошел, Алберт изо всех сил хлопнул дверью о косяк. Кажется, облегчения ему это не принесло, потому что, подойдя к столу, он вытащил из ящика стакан, куда плеснул янтарной жидкости из пузатой бутылки и долил сверху мутноватой воды из графина.

Выпил залпом, вытер губы тыльной стороной ладони, помотал головой, собираясь с мыслями, и только после этого вновь обратился к мародеру:

– Дань они платить нам предлагали. Мол, шариат позволяет, что неверные могут жить рядом, но должны платить дань. Прикинь, Нельсон, мне – и дань. Да я в девяносто седьмом, когда ко мне из «двадцать девятого» пришли...

– Кажется, конец разговора я услышал, – кивнул Нельсон, прерывая поток бесполезных сейчас воспоминаний о боевом прошлом торгаша.

Когда человека, не первый десяток лет ведущего бизнес в России, пережившего взлеты и падения, беспредел девяностых, который в Челнах чувствовался даже сильнее, чем в других городах, начинают пытаться опустить на деньги... Да

еще так тупо... Здесь есть из-за чего разозлиться.

Мародер откинулся в кресле, пытаясь устроиться поудобнее. Кажется, здесь специально поставили самый неудобный стул, чтобы собеседники коменданта не могли расслабиться, подсознательно чувствуя, что хозяином положения является Альберт.

Дополнить это ощущение должна была мебель, которая значительно отличалась от того, что было в кабинете полковника на «Домостроителей», причем в лучшую сторону. Ощущение дополнялось одеждой, запахом дорогого парфюма и виски.

– Услышал, услышал. Чего он хотел-то от тебя? Хотя, скорее, это ты его за яйца держал.

Альберта развезло, но он немного успокоился, кровь стала постепенно отливать от лица. Стоило переходить к делам, тем более что время встречи с караванщиком возле его склада уже вот-вот должно было наступить..

– Да не важно, – мотнул головой мародер. Не рассказывать же, что он просто решил проучить тупого быка? К тому же стоило ковать железо. Альберт мог рассказать гораздо больше, чем полковник. – Меня прислали сюда узнать насчет «Булата». Говорят, мужики не дошли. Они здесь были вообще? И чего их отправили на тот конец города?

– Да, в общем... Ты уже в курсе, что собрались задавить «Ак мечеть», так? Но нам его так просто не проглотить. А вот если взять ДК, то можно будет решить вопрос. К тому

же мы не возьмем – исламисты подсуеются, а нам такое положение дел на хрен не нужно.

– А чем тот переход так важен? Почему нам с «Коммунарем» не объединиться тогда уж? Поделили бы...

– Ты там не был, да? – усмехнулся Альберт, демонстративно пропустив слова мародера о коммунистах.

– Бывал. – Нель пожал плечами. – Ну, он как минимум в четыре раза больше, чем переходы в Новом Городе. Это да.

– А еще там есть въезд. И огромная сеть коридоров, ведущая черт знает куда.

– Я и здесь вижу то же самое, – плохо пряча усмешку, заметил мародер.

– Ну да, есть и такое. Но это не важно. К тому же он там один. На весь ГЭС, на громадную территорию. При этом рынок там еще больше, чем здесь. Значит, они с кем-то торгуют. Логично?

– С кем-то, кто живет за городом? – спросил Нель.

– Или с другими убежищами. Наверняка есть что-то, кроме переходов. Под той же мэрией... Ну не верю я, что не спрятались они... Да и говорили, много говорили о том, что видели отряды вооруженных людей. Все в «ратниках», а сам понимаешь, что ни у кого в городе такого нет.

– Да слышал я об этом, только никто из тех, кто об этом треплется, не может назвать имен тех, кто лично тех «зеленых» видел. Да и вообще, что же случиться могло с нашей верхушкой, что они бросили кучу народа гнить по переходу...

дам? Что не объявили эвакуацию?

– Это сейчас не важно, – покачал головой Альберт. – Нам сейчас нужно объединиться. Если получится, то эвакуируемся сами, своими силами.

– Если есть куда эвакуироваться, – согласился Нель. – Правда, я в это не верю. Не верю и в то, что эта куча трусов и торгашей полезет наверх, пусть даже с надеждой, что им удастся выбраться из ада. Они-то, наивные, думают, что ад наверху, а не внизу. – Мародер глубоко вздохнул и продолжил: – Ладно, проехали. Так почему меня отправили вслед за «Булатом»?

– «Булат» не дошел. Или дошел, но... Короче, мы связывались с ГЭС уже дважды, и оба раза нам сказали, что с поверхности никто не спускался. Тебе нужно просто узнать, что же произошло. Попытаться разыскать останки, найти следы, сам понимаешь, что такие парни, как «Булат», без боя не сдадутся.

– А что вообще могло случиться? Чего я могу ожидать?

– Нельсон, – комендант усмехнулся, – как будто ты не знаешь, что может произойти на поверхности. Твари напали. Заболели чем-то и умерли. Внезапно с ума сошли...

– Альберт... – Мародер мрачно посмотрел в глаза коменданту, пытающемуся втирать ему очки. Зачем он пытается что-то скрыть? – Исламисты знают о «Булате»?

– Да, – обреченно вздохнул торговец. – Я не знаю, кто мог им слить. Но мои сегодняшние гости об этом говорили. Так

что вполне возможно...

– «Крыса», – презрительно проговорил Нель. Для него это было одним из самых грязных ругательств. – Где-то среди наших есть «крыса».

– Есть, – согласно кивнул Альберт. – Мы не знаем, кто, но что есть – факт.

– Кто еще знал об этих делах? – спросил мародер, злобно прищурившись.

– Официально только коменданты. Но на самом деле информация разошлась.

– Нужно найти «крысу» и... – Нель показал жестом, как сворачивает кому-то голову.

– Нужно, – в очередной раз согласился комендант. – Операция входит в заключительную стадию, и все может полететь к чертям собачьим. Передам везде, пусть удваивают бдительность.

Нельсон покачал головой. Не нравилась ему эта ситуация, и ничего тут не поделаешь.

Снова война. Да, удар на упреждение. Если радикалов не задавить, то в скором времени военные сами окажутся задавлены. И каждый при этом работает на себя, хочет получить больше, чем остальные. Вырвать еще немного жизненного пространства, стать сильнее и начать в итоге давить на соседей.

И если предотвратить войну не получится, то нужно хотя бы минимизировать жертвы. Среди своих, разумеется.

Хотя кто для него теперь те самые «свои»?

Мародер медленно встал из-за стола, задумчиво кивнул коменданту:

– Я думаю, мне лучше поторопиться. Зуб даю, на меня засаду устроят наверху. Не стерпят того, что их наверх поперли.

– Выйдешь через здание школы, про тот выход мало кто знает. Сейчас передам, чтобы проводили. – Альберт пожал плечами, на секунду замешкался, но все же добавил: – И это, Нельсон... Удачи.

Комендант протянул свою мягкую и тонкую ладонь с длинными пальцами и чистыми ногтями. Нель аккуратно сжал ее в своей.

Глава 5

Сто четвертый

Мародер схватился обеими руками за верхнюю скобу лестницы и вытянул свое тело из люка, оказавшись в еще более темном помещении, чем коридор, по которому ему только что пришлось идти. Луч света налобного фонаря осветил пол из слежавшейся глины и ржавые металлические трубы, с которых свисали капли конденсата.

– Откуда тут вода?.. – пробубнил Нель. – Водоканал не работает давно...

Для интереса он постучал по трубе кулаком, та издала глухой звук. Полная.

Оглядевшись еще раз, Нельсон понял, что попал именно туда, куда шел. Подвал школы, место таинственное и влекущее, особенно если ты ученик младших классов. Старшим это уже неинтересно, у них другие развлечения. Были.

Прикинув, в какой стороне находится выход, Нельсон двинулся вдоль одной из труб, периодически дотрагиваясь до ржавого железа рукой в перчатке.

Школа была самой обыкновенной. Такие в семидесятых были построены едва ли не во всех городах страны, тогда называвшейся Советским Союзом. Ну а Набережные Челны так вообще застраивались при Брежневке типовыми панель-

ными многоэтажками, по четкому плану.

Посмотришь на карту и видишь – решетка. Идущие параллельно друг другу главные проспекты, а перпендикулярно им улицы поменьше. «Ячейки» этой решетки назывались комплексами, и даже адреса писали и по улице, и по комплексу. Удобная нумерация была, хорошо придумали.

Правда, заблудиться все равно проще некуда: дома, школы, магазины – все одинаковое. Никаких тебе архитектурных излишеств. Ничего не сделаешь – советский рационализм. «Новые районы, дома как коробки...» – как в песне одной пелось.

Школа строилась по типовому проекту, мародер сам в свое время учился в такой же, поэтому, как и ожидал, через два десятка шагов вышел к лестнице, ведущей наверх. Замок пластиковой двери оказался выломан, створки были примотаны друг к другу шпагатом за ручки.

Резать мародер его не стал – аккуратно размотал, потянул на себя дверь и покинул помещение. Шпагат, правда, пришлось наматывать снаружи – сделать все, как было, не получилось. Ничего, мародеры с «Молодежной» и «Кукол» разберутся.

Сюрпризом для Неля стала проволока, натянутая поперек коридора. Он не стал выяснять, растяжка это или злая шутка, а просто аккуратно перешагнул через нее. Нет, растяжка здесь выглядела вполне логично, уместно. Только вот чего тогда его не предупредили? Забыли, что ли?

Свернув направо и сделав еще десяток шагов, Нель оказался в холле. Когда-то парадный вход запирался на магнитный замок. Сейчас он не работал – электричества не было. Мародер погасил фонарь, потянул на себя створку и вышел из здания.

Ворота искать не стал – пролез через одну из многочисленных дыр в сетчатом заборе и двинулся в сторону проспекта. Если уж где и есть засада, то там.

Проходя мимо двух шестнадцатиэтажных «свечек», вспомнил, как проклинал каждый килограмм груза, когда ему пришлось забираться на самый верх за спутниковой тарелкой. Усмехнулся и, пригибаясь, перебежал к когда-то живой изгороди. Она, конечно, давно погибла, превратившись в пучки сухих прутьев, которые только на веники и годятся, однако какое-никакое, а укрытие.

Аккуратно высунул голову и осмотрелся вокруг.

Проспект широкий, пробок на нем никогда не было. А по сторонам насаждения, сейчас, правда, совсем не зеленые. Если из столиц люди приезжали, очень удивлялись. Мол, у них каждый клочок земли застраивают, вплоть до того, что парки вырубать начинают. А здесь – наоборот.

Ну и правильно. Застраивали-то все по четкому плану.

Нель до рези в глазах всматривался в темноту, пытаясь найти хоть какие-то следы засады. Но все было спокойно – ветки не шевелились, никто не бегал, не мельтешил.

И тут было два варианта: либо воины ислама свалили во-

свои, решив не связываться с мародером, либо устроились настолько грамотно, что Нельсон не может засечь их.

И сам мародер склонялся ко второму варианту. Много времени они не потеряют: до «Ак мечети» прямая дорога займет минут двадцать максимум... Поймать выскочку да и отправляться домой, а то Аллах накажет.

Нелю не оставалось ничего другого, кроме как двинуться по проспекту, стараясь укрываться за живой изгородью. Она была каким-никаким, но укрытием.

Пожухлые листья и сухие прутья покрывал иней: после Войны погода сошла с ума. Здесь климат и так был достаточно суровым, а уж сейчас по ночам подмерзает, температура опускается до нуля, а иногда с неба сыплются крупные хлопья снега, черного от сажи и пыли, которые до сих пор висят в воздухе.

Двадцать лет прошло, а они все еще висят.

Больная спина стала напоминать о себе уже через два десятка шагов. Все сырость в переходе – как ни одевайся, а с суставами мучиться будешь. Да и возраст. Сорок лет – не шутка.

А через триста метров спина окончательно разболелась от неудобной позы и тяжести рюкзака, из-за чего Нельсон решил сдаться. Он вытянулся во весь рост и двинулся по обочине дороги. Никаких признаков засады по-прежнему не наблюдалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.